

Конкурс
Молодых
Поэтов

«СТИХИ,
КАК ОГОНЬ
НА УСТАХ»

НОВОСИБИРСК
2023

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
города Новосибирска «Централизованная библиотечная
система Октябрьского района»

«СТИХИ, КАК ОГОНЬ НА УСТАХ»

СБОРНИК СТИХОВ ФИНАЛИСТОВ
КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ
НА ПРИЗ ИМЕНИ БОРИСА БОГАТКОВА

НОВОСИБИРСК
2023

Сборник издан при поддержке
Конкурса социально значимых проектов для предоставления грантов
в форме субсидий в сфере поддержки общественных инициатив
управления общественных связей
мэрии города Новосибирска

Распространяется бесплатно

«Стихи, как огонь на устах»:

Сборник стихов финалистов Конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова/ отв. за выпуск Л. А. Игнатова, нач. рекламно-издательского отдела МБУК ЦБС Октябрьского района. – Новосибирск: МБУК ЦБС Октябрьского района, 2023. – 80 с.: ил.

КОНКУРС МОЛОДЫХ ПОЭТОВ НА ПРИЗ ИМЕНИ БОРИСА БОГАТКОВА: ГОД СЕДЬМОЙ

В этом году Конкурсу молодых поэтов исполняется 7 лет. Начинался он в 2017 году в рамках «Эстафеты патриотизма поколений», когда по поручению мэра и Совета ветеранов города Новосибирска. Централизованная библиотечная система имени Л. Н. Толстого Октябрьского района, а затем и созданная на её базе Новосибирская региональная общественная организация сохранения историко-культурного наследия «Библиотечное сообщество «Наследники Будагова» организовали поэтический конкурс на приз имени Бориса Богаткова. Эстафета завершилась, а Конкурс продолжается и, очевидно, будет продолжаться.

Конкурс проводится на средства грантов, выигранных в муниципальных и областных конкурсах социальных проектов. Всего в 2017–2023 годах было выиграно 10 грантов, в том числе Президентский грант.

Основная цель проекта – побудить молодежь окунуться в атмосферу военных лет, прочувствовать её и, пропустив эти переживания через своё сердце, выразить их в поэтической форме. Участники конкурса – молодые поэты в возрасте от 14 до 35 лет. Для большого количества молодых людей Конкурс стал побудительным толчком к глубокому осмыслению героической истории нашей страны, острому восприятию темы Великой Отечественной войны и подвига нашего народа.

Присланные на конкурс стихи поражают своей искренностью, глубиной, разнообразием сюжетов. Работы представлены в нескольких номинациях: «Будто был я вчера на войне» – поэтические произведения, посвящённые Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; «Возьмёмся за руки, друзья!» – поэтические произведения о мире без войн; «Любовью к Родине дыша» – гражданская социальная лирика.

За эти годы Конкурс вышел далеко за рамки городского и стал международным. Всего в нём приняли участие молодые люди 84 регионов Российской Федерации и 18 зарубежных стран. Количество участников и написанных для Конкурса стихов показали, что тема патриотизма близка современной молодежи: 2116 поэтов прислали на суд жюри 4250 стихотворений! Только в 2023 году мы получили 772 поэтических произведения от 366 участников.

Каждый год мы стараемся громко заявить о конкурсе – на нашем счету автопробег, фестивали и поэтические марафоны, в 2023 году пришёл черёд Поэтического броска. Дружная агитбригада в составе поэтов, музыкантов и чтецов проехала по Октябрьскому району Новосибирска, а затем отправилась с дружественным визитом в Колывань.

Участники мероприятия возложили цветы к памятнику Борису Богаткову, прочитали стихи прошлых лет и исполнили патриотические песни. Гостями агитбригады стали лауреаты и призёры конкурса – поэт Анатолий Горовой и дети из литературного объединения школьных поэтов «Парус юности» (Колыванский район), исполнители эстрадной студии «Эксклюзив», а также давние друзья библиотеки новосибирские музыканты-исполнители Николай и Алёна Пушкарёвы и Даниил Ковалёв.

Оценивает конкурсные работы жюри, в состав которого входят представители Новосибирского отделения Союза писателей России, Совета ветеранов, ведущие специалисты МБУК ЦБС Октябрьского района, представители общественности города. Возглавляет жюри известный новосибирский писатель, поэт и журналист Игорь Маранин. Победителям вручаются дипломы и призы. По итогам Конкурса лучшие работы опубликованы в этом поэтическом сборнике.

Результаты седьмого конкурсного года:

Гран-при – Федорова Вероника (Саратов) «Человечек»

Номинация «Будто был я вчера на войне»

1 место – Бобровская Ирина (Минск, Беларусь) «Могилы в реке»

2 место – Шпиякина Наталья (Новосибирск) «Блокадный мишканец»

3 место – Ракинцева Полина (Москва) «Баллада о младшей сестре»

Номинация «Возьмёмся за руки, друзья!»

1 место – Ерофеевская Марина (Коряжма, Архангельская область) «Из жизни в жизнь»

2 место – Ситенко Виктория (Рубцовск, Алтайский край) «Снежинки»

3 место – Борзова Светлана (Тула) «Пррабушке»

Номинация «Любовью к Родине дыша»

1 место – Селезнева Татьяна (Хотьково, Московская область) «Молитва Ангела»

2 место – Потийко Лилия (Макеевка, ДНР) «Русь»

3 место – Калина Ирина (Харовск, Вологодская область) «Медовый спас»

Специальные призы:

Пименов Анатолий (Наро-Фоминск, Московская область) – специальный приз Новосибирской Митрополии за цикл стихотворений; специальный приз оргкомитета Конкурса за стихотворение «Новосибирцам».

Шевченко Виктор (Санкт-Петербург) – специальный приз оргкомитета Конкурса за стихотворение «Чистое небо».

РАЗДЕЛ 1

НАШИ ПОБЕДИТЕЛИ

ГРАН-ПРИ КОНКУРСА

**Федорова Вероника
Человечек**

Худенький сутулый человечек
Сгорбился на стуле у окна,
Раньше срока опустились плечи,
В сердце – холод, за окном – весна.
В бурых пятнах мятого халата,
В седине насупленных бровей –
Жизнь, что отвоёвана когда-то,
Жизнь чужая, ставшая своей.
Он уже давно не спит ночами,
Спать нельзя, пока не кончен бой,
Не осталось сил на письма маме,
Не осталось воли быть собой.
На передовой он не бывает,
Не в окопах битва для него.
Он бойцов у Смерти отбивает
И взамен не просит ничего.
Нет бинтов – возьмёт обрывки ткани,
Лампы нет – сгодится и свеча,
В неизвестность следовать по грани –
Подвиг и проклятие врача.
Хрупкий невысокий человечек
В тишину больничную уйдёт.
Вновь на эти худенькие плечи
Чьих-то жизней ляжет небосвод.

Номинация
«Будто был я вчера на войне»

Бобровская Ирина
Могилы в реке*

Кого-то убила случайная пуля,
Кого-то осколком в окопе убьёт,
А я безызвестно в реке утонула:
Меня, поленившись, спустили под лёд.

Мы, юные пленники детского гетто,
Уходим от голода тихо во сне.
Звенящей струной обрывается детство –
И нет нам могилы в промёрзшей земле.

Цветы принесут неизвестным солдатам,
Минутой молчанья героев почтут.
Лиши мы подо льдом растворились когда-то,
Нас волны с собою в забвенье несут.

Могила в реке, почерневшая прорубь.
Нам вечно поёт колыханку волна.
Пусть нас как погибших навеки запомнят:
Нельзя, чтобы вновь повторилась война.

**Спуск к реке Птичье, где была
прорубь, ставшая могилой
для детей-дошкольят**

* Погибших узников детского гетто в Крынке (Осиповичский район Могилевской области) не хоронили. Фашисты баграми топили в болоте детские тела

2 место

Шпиякина Наталья Блокадный мишка

Догорели в печи последние мамины платья,
Одеяла не греют, и печка почти что остыла,
Обнимает во сне медвежонка мой маленький братик,
Тихо тянется ночь, будто время навечно застыло.

Чтоб хоть как-то согреться, прижмёмся покрепче друг к дружке,
Скоро мама придёт, принесёт нам немножечко хлеба.
Слёзы детские стынут в холодной как лёд подушке,
И гудит над домами, и плачет всю ночь сирена.

Я спою колыбельную на ночь тебе, мой братишко,
И пусть воет сирена и злится январская выюга,
Ты сильнее прижми своего одноногого мишку
И не бойся, родной, ведь мы будем всегда друг у друга.

Нас спасут обязательно, верю, придут мама с папой,
Чтоб хоть как-то согреться, прижмемся с тобою друг к дружке,
Тихо на пол упал медвежонок с оторванной лапой,
Догорели в печи с ледяными слезами подушки...

3 место

Ракинцева Полина

Баллада о младшей сестре

В стареньком домишке, у окошка
Машенька стояла у стола,
Молча вытирала хлеба крошки –
Помогала взрослым как могла.

Только принесёт воды, цветочки
Обязательно она польёт.
Три ромашки выросли на кочке,
Маша их всем сердцем бережёт.

Она курочек с утра кормила,
Молока котятам налила.
Война Машу многому учила –
Взрослым помогала как могла.

А под вечер, тихо засыпая,
Говорила маме в тишине:
«Он вернётся, точно знаю,
Не погибнет Колька на войне.

Он вернётся, истребив фашистов,
С тысячей медалей на груди,
Он за то, чтоб небо было чистым,
На фронтах шагает впереди».

Мама Машу к сердцу прижимала:
«Спи дочурка, завтра есть дела».
А сама лишь слёзы утирала
И в который раз полночи не спала.

Мужа на войне похоронила,
В армию сыночка отдала...
Их не для того она любила,
Чтоб война навеки забрала.

В день осенний, хмурый среди ночи
Через поле, речку, через лес,
Машенька бежала что есть мочи,
Крепко на груди сжимая крест.

Вечером читала телеграмму:
«Двадцать километров от села
Будет проходить отряд наш, Мама,
Поутру тридцатого числа».

Разве брата не увидит Маша?
Вечером, когда заснула мать,
Хлеба, крынку молока и каши,
Собрала и принялась бежать.

Как же страшно было ей, ребёнку,
Гром гремел, дождь лил и ветер выл...
Собирая все свои силёнки,
Она мыслью разжигала пыл:

«На войне ужасно плохо кормят...
Пусть мой Колька хлебушка поест,
Ведь фашисты голodom заморят!»
И бежала, крепко стиснув крест.

Лишь под утро, ног уже не чуя,
Маша до отряда добрела:
«Боже, помоги мне, а прошу я,
Чтобы брата поскорей нашла!»

Долго не пришлось ей дожидаться,
Брата средь чужих солдат искать,
И не сложно было догадаться:
Крайний, что спиной стоял, был брат.

Ей до встречи с Коленькой осталось
Сотню метров – поле перейти.
С радостной улыбкою помчалась,
Ничего не видя на пути.

«Коля! Брат! Ты слышишь? Коля! Коля!»
Брата удивлённый тёплый взгляд...
Только вдруг, сквозь тишину над полем,
Пулемёта прозвучал раскат.

«По местам! Отряд, готовься к бою!»
Выкрикнул товарищ старшина.
Со смертельным, диким воем
Вновь продолжилась жестокая война.

Но ребёнку на войне нет места –
Кровью обагрилось платье вмиг.
«Пуля в грудь вошла почти отвесно», —
Фронтового фельдшера вердикт.

Бросился к сестре, не помня страха,
Коля – просто рядовой солдат –
Брюки форменные и рубаха
Крови вражеской следы хранят.

«Как ты здесь, сестрёнка, оказалась?
Подожди, молчи, не говори,
Хорошо бы лишь только постаралась
Боли ты не чувствовать в груди».

«Не волнуйся, мне совсем не больно...
Почему ты плачешь? Ты не рад?
В сумке молоко и хлеб есть, Коля,
Можешь угостить потом солдат...»

Коленька, не плачь, ты съшиши,
брат мой!
Мне б ещё немножко полежать,
А потом пойду домой обратно,
Маме по хозяйству помогать.

Коленька, не плачь. Меня ты слышишь?
Я, наверное, немножечко посплю».
Говорила с каждым словом тише...
«Коля, брат, я так тебя люблю!»

Так сказала, и глаза закрыла,
И навеки погрузилась в сон.
Ради брата, что она любила,
Не сорвался с губ ребёнка стон.

Грянул гром, и дождь пустился в слёзы,
Отмывая кровь с рубах солдат,
И на поле, около берёзы, клялся
В шуме битвы Машин брат:

«Я пройду войну, ты слышишь, Маша?
До Берлина я пешком дойду,
Мне теперь и умереть не страшно,
Но убийцу твоего найду!»

* * *

За селом, за лесом, за рекою
В чистом поле в тишине стоял
Командир отряда — просто Коля —
И рукою слёзы вытиравал.

Под берёзой три росли ромашки,
И отряд весь знал, здесь вечно спит
Добежавшая до брата Маша,
Ей могила память сохранит.

«Я прошёл войну, сестрёнка, слышишь?
До Берлина фрицев убивал.
И теперь я командир отряда, видишь?»
Коля Маше в тишине шептал.

«Отомстил я за тебя, родная.
Но напрасно – смерть не отменить,
Нет тебя со мною дорогая,
Только память будет век хранить

О тебе мои воспоминанья.
Спи, родная, кончилась война». Коля в тишине шептал отчаянно «Спи, спокойного, сестрёнка, сна!»

Люди так безжалостны бывают,
За идею убивать волны.
Только невиновные страдают
От такой бессмысленной войны.

И порой идёт не за победу
Воевать простой солдат,
А за Машу, Дашу, Катю, Свету
Мстят фашистам тысячи ребят.

За отца, за мать идут сражаться,
За сестру, за брата, за детей,
За жену идут солдаты драться
И за сотни сгубленных семей.

Пусть не будет в мире тех фашистов,
Тех безжалостных убийц – зверей,
Пусть же вечно будет небо чистым
И не гибнут тысячи людей!

Ради братьев и сестрёнок наших,
Ради тех, кто любит нас всегда,
Ради Коли и убитой Маши
Пусть войны не будет никогда!

Номинация
«Возьмёмся за руки, друзья!»

1 место

Ерофеевская Марина
Из жизни в жизнь

Паутинка сухонькой ладошки,
Что ласкала старую гармонь,
На столе – холодная окрошка,
А в душе – пылающий огонь.

На стене – портреты и медали,
А в шкафу – наглаженный пиджак.
«Дедушка, на масле или сале?
Может, в русской печке – просто так?»

Платье было цвета свежих лилий,
Босиком бежала я во двор.
А соседка: «Как там дед Василий?» –
Спрашивала, мучая ковёр.

Дом был полон пыли и уюта,
А в деревне буйствовал июль.
Разлучила нас одна минута
И врачи с диагнозом – инсульт...

И деревня в миг на до и после
Разделила жизнь мою и быт.
Просто быть не так уж важно взрослой,
А скорее важно просто быть.

Жизнь летит, но звук его гармошки
Слышу через стены вдалеке,
Снова паутинку на ладошке
Я целую в собственной руке.

И врачи сквозь боль моих усилий:
«Пол мужской. Три двести. Пятьдесят.
Имя выбрали?». А я шепчу: «Василий...», –
Словно много-много лет назад.

2 место

Ситенко Виктория
Снежинки

Снегопад! – Улыбаются люди, –
Белый снег, как невесты фата.
В белом платье земля теперь будет
Как невинная дева чиста.

...Только в этом большом снегопаде
Миллиарды снежинок летят,
И ложатся на землю не глядя,
И становится краше наряд.

Они знают, что нет им спасения:
Всё растает с приходом весны,
Но великому предназначению
До конца будут свято верны.

И поэтому сказочно-нежно
В легком вальсе снежинки кружат,
И весь город становится снежным,
Как цветущей черёмухи сад.

Вроде просто обычные льдинки,
Но у каждой живая душа!
Дышат светом и счастьем снежинки,
С неба падая к нам не спеша.

И в парении этом истому
Ощущают они налету.
Отдавая навеки земному
Неземную свою красоту...

3 место

Борзова Светлана
Прабабушке

У неё серебристые локоны
И улыбка на добрых губах.
Так приятно, пристроившись около,
Обращаться к ней ласково: «Ба,

Завтра праздник Великой Победы,
Расскажи: на войне как в кино?»
А она отвечает: «Обедай»
И задумчиво смотрит в окно.

«Нет, война – не кино, моя милая.
Это ужас, что вечно со мной.
Уж не знаю, какими же силами
Мы копали окопы зимой».

Мне мерещится эта картина:
Как девчонки по пояс в снегу
Вместе с юной моей Валентиной
Преграждают дорогу врагу.

А она улыбается ласково:
«Больше этой войне не бывать.
Ну, пойдём, развлечу тебя сказками,
А потом сразу ляжешь в кровать».

...Накануне Девятого мая
Я встречаю бабулью во сне.
И шепчу ей: «Спасибо, родная,
За победу в той страшной войне».

А она повторяет всё то же:
«Только мир может Землю спасти».
Я молчу. И мурашки по коже.
Мы пытались, бабуль. Мы... Прости.

Номинация
«Любовью к Родине дыша»

1 место

Селезнева Татьяна
Молитва ангела в день Благовещения

«Господи, помнишь, как Ты послал меня
Деве Пречистой весть принести благую?
Как расцветали лилии на камнях?..
Господи Боже, милость Твою взыскую,

Видишь, в сыром окопе солдат сидит,
Крестик сжимает – а губы беззвучно шепчут:
«Боже, спаси Россию, и защити,
Боже, даруй нам искренней веры жемчуг».

Дай же мне право, Господи, сделать шаг,
Дай же мне милость, Боже, открыть солдату
Веру, которой просит его душа,
Веру в огонь победы над супостатом,

Господи Боже, многого ли прошу?
Лилии Рая светятся на иконах...
Пусть смертоносных пушек голодный шум
Станет на миг живым колокольным звоном».

...Белый платок Пречистой на плечи лёг –
Воину будет храмом окоп на вечер.
Пушки затихли – и рассыпает Бог
После дождя по брустверу лилий жемчуг.

2 место

Потийко Лилия
Русь

Есть места, где теплее уют,
Где покой хлебным мякишем дышит,
Где пшеничные солнца пекут,
Песню жаркого пламени слышат.

Есть места, где морозной зимой
Льётся в чашку янтарное лето,
И ромашка, чабрец, зверобой
Полевым ожидают букетом.

Есть места, где в высоких горах
Дремлют тучи, устав от похода.
Есть места, в чьих озёрных глазах
Отражается свет небосвода.

Сказки древние там на устах,
В тех местах песни прадедов льются...
Не ищи их в далёких краях,
Ведь места эти Русью зовутся.

3 место

**Калина Ирина
Медовый Спас**

Из года в год всё та же тишина
Качается на сонных ветвях вяза.
Всё тот же дом. Калитка. У окна
Пылится тускло маленькая ваза.

И к осени созреет благодать
Антоновки в прохладной тени сада.
Светло. Свежо. И сладостно вдыхать
Полдневный воздух терпко-горьковатый.

И тёплое дыхание земли
Согреет увядающие травы.
Дни тихою тоскою проросли
Под прелью листвьев пожелтевших, ржавых.

Ты помнишь, как делило небосвод
Сквозь облака полуденное солнце?
И падал наземь переспелый плод;
И дождь стучал за стареньkim оконцем;

Как за пригорком быстрая река
Бежала в перекатах лет вчерашних?
Ты помнишь грозовые облака
Над нашим домом, лугом и над пашней?

И тихое гуденье старых ос
В шиповнике, склонённом у дороги;
Лилово небо влагой налилось,
И лес шумел за домом тонконогий.

И звон колоколов в Медовый Спас.
Всё было до и будет после нас...

РАЗДЕЛ 2

**«БУДТО БЫЛ Я ВЧЕРА
НА ВОЙНЕ»**

Беленькая Мария

* * *

Детских ботиночек – груды, горы.
Чёрная плоть земли.
Шёпоты, крики и разговоры.
Вырванные стебли.

Вырвать бы с корнем мне эту память,
Кинуть бы выше страх!
Пусть растворится, исчезнет, канет
В голубизну прорех –

В небо февральское, льющее светом –
Золото и бирюза.
Я не могу рассказать об этом
И закрываю глаза.

Беленькая Мария

* * *

*Boarding the train I take in one last look
I'll keep these memories with me forever*

*I remember, remember you
I remember, still close to you
No need to fear the distance here*

Hideto Takarai (HYDE) – Secret Letters

Теперь мне снится тишина,
Мне снится полночь.
И вдруг, очнувшись ото сна,
Я счастлива, что ты не помнишь,

Как ярко и легко у ног
Горят поленца,
Не стук колёс, не стук сапог –
Биение сердца,

Живой и страшной немоты
Зубовный скрежет,
Весна, как первые цветы,
Ветрами нежит,

Всей кожи, крови соль и слёз
Сквозь запах лета,
И в тяжести моих волос –
Дыханье ветра,

Моё отчаянье и грусть –
И злей, и пуще
Бессонницы, сосущей грудь
В несметной гуще,

И как на запад поезда
Идут упрямо,
И что ты больше никогда
Не скажешь «мама»...

Что я? – Остывшая зола.
Как это мало! –
Не помнить то, что я жила
И умирала.

Беленькая Мария

* * *

«Мы больше никогда не будем», –
Твой голос, как звон ручья.
Мне снятся вагоны, мне снятся люди
И толчая.

Шепчу, заглядывая в бездну
И преодолевая страх:
«И мы умрём, и мы воскреснем».
В других телах.

Беленькая Мария

* * *

Сердце моё, вырванное из груди!
Сердце моё в вечном со мной неравенстве.
Боже мой, Отче, я так устала каяться.
«Господи, Господи, Господи, пощади!» –

Эхом доносится. Видятся рвы и рвы,
Где я осталась в груди со свинцовой ношей.
Как мне блаженно, что памяти не тревожу
Я из-под дёрна и молодой травы.

Бобровская Ирина Сосновая шишка*

Сосновая шишка висела на ветке,
Качалась ритмично от ветра порой.
Упала, вонзившись до самого сердца,
В затерянный крест с неприметной звездой.

Подгнивший, забытый, заросший травою,
Прикрытый дубовою веткой от глаз,
Он смотрит с укором прибитой звездою:
Забыли потомки о тех, кто их спас.

Сосновая шишка в кресте безымянном –
Солдат неизвестный, погибший в бою.
Неужто в потомках совсем не осталось
Почтения к тем, кто ушел на войну?

Незнание имени, даты рождения –
Ужель это повод, чтоб просто забыть?!
Сосновая шишка. Пронзенное сердце.
Потомки без совести, чести, души.

Найдите минуту, вокруг оглянитесь:
На каждом погосте такие кресты!
Пусть просто отскочит сосновая шишка
От памяти крепкой героев войны.

**Крест в Мостах
после благоустройства
участниками проекта
«Вспомни»**

* Стихотворение о деревянном кресте на гражданском кладбище, расположеннем на месте сожжённой деревни Мосты (Глусский район Могилёвской области). Без имени, дат, он с каждым годом ветшает, становясь олицетворением исчезающей Памяти.

Бобровская Ирина
Памятник детскому голоду*

Ледяная корка ножки обжигает,
И морозный воздух разрывает грудь.
Вот она, проснулась! Вот она, родная!
Нужно лишь иголок малость отщипнуть!

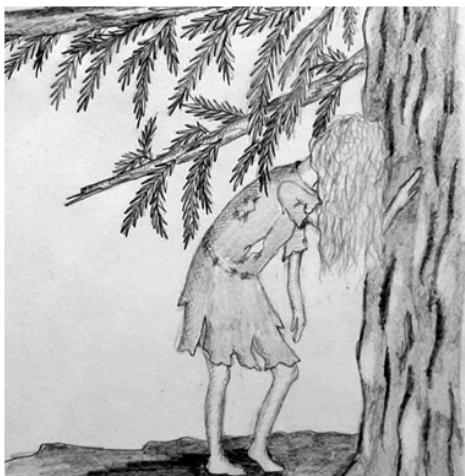
Сотня граммов хлеба и карман очисток,
Может, кочерыжка и капустный лист.
Повезет – картошка. Вон стоит корыто
Для порой визгливой невспопад свиньи.

Голод сводит душу, заполняет разум,
Проникает тихо в беспокойный сон.
Только эта ёлка голод притупляет –
Мягкие иголки с жёсткою корой.

Пожуешь немногого, за щекой подержишь –
Кажется, немножко, хоть чуть-чуть поел.
А ночами снится, как бывало прежде:
Чугунок картошки с ароматом щей.

Ёлка на опушке, памятник о детях,
Опускает ветки в скорбной тишине.
Пусть не повторится никогда на свете
Голод, когда дети ёлки будут есть.

Аянская ель.
Фото проекта «ВсПомни»

Бобровская И. И. «Аянская ель».
Проект «ВсПомни»

* Стихотворение посвящается памяти узников детского гетто в Крынке. Истощённые дети ели очистки из ящика для отходов, а с приходом весны ощипывали молодые побеги и кусочки коры редкой аянской ели, растущей рядом с санаторием, ставшим детским гетто. Малыши-дошкольники обвязали дерево на высоту детского роста. Ель с поврежденной корой растет и поныне, став памятников детскому голоду.

Бобровская Ирина
У полыни*

На лето планов было много:
Купаться, в лес ходить тайком
И в санаторий по дороге
Бежать с друзьями босиком.
На берегу широкой речки
Плотвы на ужин наловить.
Год сорок первый. Было лето.
Войну узнали малыши.
Узнали вкус сырых очисток,
Удары плётки, сапога.
О том, как смерть меняет лица,
Как холод режет без ножа.
О том, как по живой цепочке
Ведёрко детское с водой
Передавать. Бояться очень
Разлить, покрыв ботинки льдом.
Бояться не ударов плётки,
А подвести таких, как ты:
Худых, измотанных, замёрзших,
Стоящих там, у полыни.
И пусть никто не обижался
На капли пролитой воды!
Но каждый там как мог старался,
Твердя молитвой «не разлить».
Они держались друг за друга,
Цепочка закалилась в цепь.
Прошла зима, мороз и выюга.
Весной с теплом их ждал...
расстрел.

«Детский камень».
Место, где оборвались жизни детей,
стоявших у полыни

А мы ругаемся, потомки,
О пустяках, о мелочах.
Возьмите же пример с ребёнка,
Что там, у полыни, стоял!
Ведь оказалось не под силу
И смерти руки разорвать!
Вот так, за руки, до могилы
Пришлось в последний путь шагать!
Держитесь за руки покрепче,
Храните дом, семью и мир.
И пусть потомки помнят вечно
Стоявших там, у полыни!

* Самому старшему узнику детского гетто в Крынке было всего 12 лет. Водокачка не работала, поэтому детей заставляли таскать воду из реки. Одетые в летнюю одежду малыши передавали друг другу детское ведёрко с водой от полыни вверх, по склону.

Бодрягина Светлана Колокольчик

Закрыта калитка на сотню замков:
Тяжёлых, суровых, амбарных.
На ней колокольчик висит одинок.
Он грезит о нотах янтарных.

Давно он молчит. Та деревня пуста.
Забыт голосок его звонкий.
А песня его запредельно простирается –
Он звал за калитку девчонку.

Соседский мальчишка всё бегал сюда
И дёргал верёвку льняную.
И счастлив и рад колокольчик тогда!
Он видел любовь их большую.

Но только ль о счастье звоночек звенел?
Однажды в июньское время
Прощальную песню им колокол спел.
Простился мальчишечка с нею.

Она все ждала, ну когда зазвенит
Её колокольчик упрямый?
И сердце за милого очень болит.
И ждёт у окна телеграммы.

Вот так прождала от войны до весны,
Но весточек нет долгожданных.
Потом похоронка... Под Курском убит...
Рыдали невеста и мама.

С тех пор и висит на калитке замок.
С тех пор не звонит колокольчик.
Лишь ветер пробудит немой голосок
В июньские тёплые ночи.

И вспомнится радость, и вспомнится
жизнь
И молодость вновь повторится,
Когда колокольчик опять зазвенит,
Чтоб встретиться, а не проститься.

Бялая Яна Письмо сестре

Мне завтра будет двадцать три.
Я молод, свеж, слегка изранен.
Не удержался – закурил,
Не проболтайся только маме.

Я здесь ко многому привык
И стал ценить простые вещи.
Вчера я был здоров как бык,
Сегодня боль сковала плечи.

Да, не всесилен человек,
И мир вокруг по-детски хрупок.
В окопе сутки – это век.
Отряд солдат. Мгновенье. Трупы.

Вот вражий чёрт в плену у нас:
Он просит пить – его напоят,
Он просит есть – дадут запас,
Он хочет жить – ему позволят.

За что воюешь только, брат?
За чью идею умираешь?
Когда в руках несешь снаряд,
О чём, о ком ты вспоминаешь?

Так день за днём идёт борьба –
Борьба с врагом, борьба с собою.
И мысль о том, что всё – судьба,
Напоминает паранойю.

Солдаты припадут к земле;
И я, быть может, с ними лягу,
Всё с той же мыслью – о судьбе,
Отдав свою кому-то флягу.

Но я пока ещё живой;
Жаль, к нам снаряд летит в траншею.
И мы увидимся с тобой,
Конечно, если я успею.

И что-то теплится внутри,
Земля уходит под ногами...
Мне завтра было бы двадцать три.
Не проболтайся только маме

Данилова Стефания Мать моей матери

*Моей драгоценной бабушке
Даниловой Ии Николаевне,
работавшей в тылу ВОВ*

Мать моей матери была двенадцатой из детей,
а тринадцатая скончалась, как будто Боже узнал, что ей

не прожить катастрофы, воспалившей сетчатку века –
Он единственный знал, каково это вынести человеку.

Шла она, та, чье имя назвать не могу, не смею,
та, к которой я отношения, кажется, не имею –

не была на фронте, в тылу, не слышала гром снарядов,
но я слышала её много, так много, почти что рядом.

Я чуяла её, ту, чье имя называть глупо,
рассматривающую каждого из-под огромной лупы,

я видела её в глазах у матери моей матери, даже
когда она меня трехлетнюю учила держать карандаш.

Мать моей матери помнит тот страшный вечер,
когда народ собирался в последний раз, как на вече,

обезмуженную, обезвоженную, обезображенную деревню,
как горели её отцами посаженные деревья,

этот вечер в несколько лет длиною был очень долг.
Сколько бы книг ни заполняли поверхность полок –

лучше глаз, которые я ежедневно вижу,
для меня это всё никто, ничто не опишет.

Десять братьев матери моей матери воевали, но только трое
возвратились, и каждый из десяти – героем

был и будет, с орденами, не с орденами.
Он записан в герои вечностью, значит, нами.

От ветеранов останется память, проспект и ленты,
чистое небо, жизнь на ладони, лето за летом.

Мать моей матери на праве одной из них, стара, как заветы.
– С Днём, с твоим Днём, говорю я, – бабушка, с Днём Победы.

**Данилова Стефания
Здравствуй, дедушка**

Здравствуй, дедушка.

Как ты и где ты?

Расскажи, ничего не тая.

Здесь, у нас, на Земле – День Победы.

Там, на Небе – улыбка твоя.

Я листаю страничку подружки
и читаю, нахмурившись, про
то, как траурный чай пьёт из кружки
ветеран в похоронном бюро.

Я умею букет и открытку
и совсем не умею войну.

Мне не выдержать голод и пытку!

Кто поставит мне это в вину?

Это сердце на вырост мне дали.

Словно мир это чувство старо.

У военных тяжелых медалей
не бывает обратных сторон.

В ленте черно-оранжевым спамят,
золотят второсортную медь...

Я умею из этого – Память.

А хотелось бы больше уметь.

Я умею – «спасибо». Негромко.

От лица всех, кто чувствует, что
голубиной седой похоронкой
бьется под камуфляжным пальто.

До свидания, дедушка. Ветер
знает: скоро я снова приду,
помня, как ты смеялся над смертью
третьим справа
в последнем ряду.

**Ежова Виктория
Война**

Сказала метель: «Беги!

Беги изо всех сил!»

И она побежала...

Шаги.

Чиркнула дверь о настил.

Рама тенями искрещена.

Ночь. Но не будет сна.

«Смотри, мама! Там женщина!»

«Смотри... это Война.

Забудь этот дом».

Сумерки...

Окна и двери горят.

Как будто мы завтра умерли...

И голос паром объят.

Ерофеева Елизавета

Прабабушке

Когда небо было высоким, трава – зелёной
И играли все в Сейлор-воинов и покемонов, –
Из «Васька Трубачёва» играла я в девочку Валю,
И меня фашисты из раза в раз убивали.

Я тонула в сугробах, укрытая вечным покоем,
Я б шептала: «В руце Твои...» – если б знала такое,
Но концовка в семь лет неприемлема; выбраться чтобы,
Я звала на подмогу игрушки, вставая из гроба.

О тебе я не знала – и долго не доходило,
Почему от нацистских символов сердце стыло,
Почему от «Россия для русских!» – бледнее мела,
Почему я такое терпеть никогда не умела.

...Может, прах твой где-то в Германии, может, в Змиёвке, –
Через три поколения связаны мы верёвкой,
Нет прочнее её, окровавленнее и крепче –
Это мойрина нить, связь судеб человечьих.

Ты родная моя, родная, тебя не знаю,
Но я капельку ты – такая же, но живая,
Это я лежу много лет в безвестной могиле.
Это я – жива. Меня тогда не добили.

Мы две разных судьбы, мы даже из разных времён, но
Где-то там в ДНК – я помню их поимённо,
Я их знаю в лицо. Имечно чего-то мало.
Я не «выбрала сторону» – я тех же самых узнала.

Я пакую гуманитарку снова и снова,
У меня в голове – повторение сорок второго.
Я боюсь, я очень боюсь – из такого я теста.
Но вдруг даже если убьют – я снова воскресну.

**Каледа Анна
Григорий Иванов**

Три дня отряд шагал пешком.
Пишу к тебе, моя родная!
Ты помнишь? Год назад с лишком
За мной закрылась дверь входная.
И в перерывах меж ходьбой,
Пока не начат новый бой,
В палатке темной иль в избе,
Спиною прислонившись к стенке,
Писал на согнутой коленке
Я вести грустные тебе...

Груди, не знавшей орденов,
Остыть навек велит судьбина:
Погиб Григорий Иванов!
Отныне мир ему чужбина.
Он был талант, как ни крути,
Хоть вряд ли старше двадцати.
И пал Героем в злом бою –
В боях мы все под Богом ходим
И там же смерть свою находим.
Считай, и он нашел свою.

Он жизнь любил и жаждал жить.
Слыяя счастливым человеком,
Он рад был душу обнажить!
Вот кто не сломлен пошлым веком!
Он книги старые читал
И на ночь «Отче наш» шептал.
Его любили все вокруг –
В минуту горя он был рядом.
Он брат полка, душа отряда,
Простой солдат! Он был мне друг...

Как часто с криками «ура!»
Мы в бой опасный с ним бежали
И в голом поле до утра
Врагов с отрядом окружали!
Пьяны от счастья и слабы,
Друг друга целовали в лбы
Мы после схватки боевой.
Мы были все родные братья!
Бросались в жаркие объятья,
Кидая шапки над главой.

Как счастлив был я в те часы!
Таких волнительных историй
Не вспомнишь без скупой слезы!
Однажды спас мне жизнь Григорий.
Насквозь промокнув от дождя,
Болото вброд переходя,
Я в нем тонул средь бела дня!
Погрязли сапоги в пучине,
Я взянул с мыслью о кончине,
Но Гриша вытащил меня.

Но, как он часто говорил,
Войнавойной, обед – святое!
И кашу в котелке варили.
Но продовольствие простое:
Картошка, масло да чаёк –
На том и кончился паёк!
Голодный, хлеб жуешь спеша,
Глотаешь щи из чёрной печки,
А он... кормил собаку гречкой!
Эх, Гриша – добрая душа!

Его, поэта и певца,
За песни помнили солдаты.
И песням не было конца,
Которые он пел когда-то...
И весь отряд в избе собрав,
Аkkорды быстро подобрав,
С гитарой гладкой, как атлас,
Сидел на шатком табурете
И, дав погаснуть сигарете,
«Катюшу» пел во весь свой глас.

Но снова в бой! Война не ждет!
Отдавший волю гневной силе,
Он в свой последний бой идет,
А после высится в могиле.
Григорий не жалел свинца,
Стрелял с горячностью юнца,
Как вдруг фашист в него попал –
В живот граната прилетела,
И покачнулось книзу тело,
И Гриша грузно наземь пал.

Две молодые медсестры
К нему с носилками примчались.
Но, как бы ни были быстры,
Уж силы Гришины кончались.
Вокруг кровавые бинты!
Едва дыша от тесноты,
Он смутно слышал голоса.
«Прорвемся!» – голосом победным,
Но слабым произнес. И, бледный,
Он умер, закатив глаза.

Потемки. Холод. Тишина.
Солдаты опустили лица.
Казалось, неба вышина
С землей в тот день хотела слиться!
Прощался с Гришой весь отряд.
Нет, правду люди говорят:
Теряют лучших на войне!
И вспомнил я в тот вечер зыбкий,
Как он говоривал с улыбкой:
«Не забывайте обо мне...».

Полночи наш отряд не спит.
Наутро снова солнце встало,
И всё как прежде: жизнь кипит!
А друга моего не стало...
Сражений много впереди,
И нам уже пора идти –
Нас ждет Отчизны гордый зов!
Вперед же! В бой! Как вдруг я слышу,
Как кто-то прокричал: «За Гришу!»,
А с ним полсотни голосов!

Калина Ирина Память

Мой друг, ты помнишь, в парке за углом
Хрущёвки ветхой близь военкомата
Сосна росла большая, в два обхвата?
Её мой дед сажал в тридцать шестом.

Принёс однажды в стареньком мешке
Невзрачный саженец с окраины посёлка.
Смолистый запах, тонкие иголки –
Колюче счастье дедово в руке.

А в сорок первом, уходя на фронт,
Дед завещал: «Храните память. Свято
Простое имя русского солдата.
Он от сохи родной землёй рождён».

И, проходя дорогами войны,
Дед горевал у опалённых сосен.
Здесь шли бои, домов осталось восемь.
Деревни, сёла – немцем сожжены.

Между боями снился деду край:
Отцовский дом; скворцы под низкой крышей;
Кудлатый пёс с окрасом тёмно-рыжим
И бабки Нюры добрый урожай...

Давно уж отгремела та война.
Дед умер на изломе девяностых,
Но плачет птица в зарослях погоста,
Когда шумит под окнами сосна.

Колмакова Надежда

Разве могут игрушки плакать?..

День на ночь начинает сменяться,
А на сердце скребутся кошки.
Разве мишки умеют бояться?
Да, умеют, но лишь немножко.

Не вернулась хозяйка к ночи.
За окном тишина пустая.
И тревожно становится очень.
От чего? Я и сам не знаю.

Засыпает уж кукла Кама,
Засыпает сова Хавроша.
Только мишка не спит ни грамма,
Ждёт хозяйку. Он друг хороший!

Лёгкий свист показался игрушке,
Напряжение прошлось по меху.
Будто в страшной ночной ловушке
Он увидел вдали человека...

Звук все ближе, все громче и громче
И пропал на секунду будто.
Осветило весь дом вдруг, точно
В один час наступило утро.

И горит уже дом как спичка.
Показалось, что мир качнулся.
Улетела подальше птичка,
А фашист вдалеке улыбнулся...

Обвалились за крышей доски,
Почернели от дыма двери,
А у мишки шершавый носик
И животик уже сгорели.

Защищал и не верил страху,
Этот храбрый герой из плюша.
Но лежит под обломком краха,
Среди досок уже потухших.

И на лапках прожглись три точки.
Не осталось на глазах лака.
Почему-то намокли щёчки.
Разве могут игрушки плакать?

Курило Виктория

Седовласый солдат

А ведь был он мальчишка смешной:
Чуб взъерошен, такой синеглазый.
Столько планов! А смелый какой!
Но война всё обрушила сразу...
В доме старшенький – мамин сынок.
И опора её, и подмога.
Но на фронт он шагнул за порог –
И войны затянула дорога.
Дожидаясь Андрея с войны,
Пред иконой молясь дотемна,
Мать не верит в тревожные сны,
Похоронке не верит она...
Ведь не может злодейка-война
Мужа взять и родного сыночка!
Как же младшеньких мне поднимать?
Три малышки остались, триочки.
Мать тоскует и ждёт до конца,
Не уходит до ночи с крыльца...
Он придёт – мой Андрюша родной!
Он вернётся, вернётся домой!
Вот израненный, на костылях,
Побывавший в кровавых боях,
Он вернулся – простой рядовой –
Седовласый Андрюша ЖИВОЙ!

Лесовик Оксана

Гордость Ленинграда

Звучали призывы: «Ни шагу назад!»
А мы и не думали даже.
За нашими спинами – наш Ленинград,
За спинами – Родина наша.
Стоим с автоматами. «К бою готов!»
Как грустно мы начали!
Совсем молодые, но взгляд стариков.
Совсем ёщё мальчики!
Глядят в смерть свою сотня юных ребят,
Не с трепетом – с вызовом.
Патроны о землю тихонько стучат
Упавшими гильзами.
Полвека назад сотня храбрых солдат
От злых и юродивых
Закрыли телами родной Ленинград
И всю свою Родину.

**Лесовик Оксана
Неизвестный солдат**

Что я знаю о вас, дорогие мои пра-пра?
Имена. Времена. Ваши жизни войною прерваны.
Знаю то, что Иван Петрович ушел с утра –
Было двадцать шестое августа сорок первого.
Знаю то, что на сборный пункт на краю села
На руках всю дорогу нёс свою дочку Машу,
Что беременная жена сыновей вела.
Больше этого мне никто уже не расскажет.
Что я знаю о вас? Было горько и горячо.
Боль легла в одну строчку мостиком между нами –
В декабре воин Красной Армии Лихачёв
Пропал без вести вместе с прочими именами.
Тебе было под сорок. Память ещё живёт.
Выцветает строка, и состарились твои дети.
Первый раз ли ты взял винтовку в тот страшный год?
Кто брил наголо твою голову на рассвете?
Чем ты жил, чем дышал, человек с непростой судьбой?
Ты, крестьянин, стрелок. Наш герой без наград и званий,
Как ты принял в лесу под Брянском последний бой?
Как ты стал безымянным, Ваня?
Ни звезды, ни могилы там, где поёт князёк,
Где качаются сосны, раненые когда-то.
Только строчка легко теряется между строк.
Только имя легко стирается в старых датах.
Что я знаю? Среди вернувшихся тебя нет,
А ещё пару слов из списка в военкомате.
Что я дочеке скажу? Подвиг твой через много лет
Ни слова, ни сердца, ни поля наши не охватят.

Лесовик Оксана Шли бойцы

Лес шумел, зацветал хохлатками,
Гнулись тонкие деревца.
Шли бесстрашно бойцы, за скатками
Пряча пламенные сердца.
Под обстрелами, под бомбёжками
Шли, не думая повернуть.
Пусть вернутся сюда с лукошками
Мирным утром когда-нибудь.
Далеко ли идти им, близко ли?
В путь с винтовкой наперевес?
Шли. Ручьи под ногами брызгали,
И тихонько качался лес.
«До свидания», – шишки щёлкали,
И похрустывал сухоцвет.
Шли бойцы далеко ли, долго ли?
Лишь кукушка молчала вслед.

Никитин Георгий

Я земля и вода, свежий воздух и ветер,
Я дыханье цветов в чистом поле с утра.
Я роса под ногами в алеющий вечер,
Что помог вам забыть все печали утрат.

Я то эхо войны, что гуляет в горах,
Я росток, что пробился сквозь ржавую
каску,
К солнцу голову поднял сквозь пепел и прах,
К солнцу, что дарит сущему лучик и ласку.

Я и свист соловья, и раскаты грозы,
Я и тень на песке, и лазурь поднебесья,
Я гоню, те ручьи, что сбегают с горы.
Талый снег, что бежит в тех ручьях –
это весь я.

Буду с вами всегда, пока помните вы.
И сколь подвиг погибших для вас ещё ценен,
Столько буду в строю, и с приходом весны
Славный путь на победу для нас неизменен!

Я травою зеленою укроюсь в полях,
Вербой стану весной, от тепла
ошелевшей,
Серой почкой набухну на тонких ветвях...
...я погибший солдат той войны
отгревевшей!

Овчинина Виктория Партизанский хлеб

Стояла в деревушке покосившись
Изношенная временем изба,
Как будто бы её сама судьба
К земле склонила от снарядов ниже.

И девочка, зажав в руке пруток,
С крыльца сметала порох от орудий,
Шептала горько: «Мир на свете будет!»
И слёзы вытирала о платок.

Над просекой звучал надрывный вой,
Гудел обстрелом залп артиллерийский.
Но мысли были детские не близко...
Вернулся бы отец с войны живой.

А мама выпекала хлеб в печи,
Кормила партизанские отряды,
Не слыша, как взрываются снаряды,
Как, надрываясь, смерть вокруг звучит.

На печке, где укромный уголок,
Мальчишка спал безропотно и тихо,
Уже хлебнув за детство с верхом лиха,
Взрослеющий помощником сынок.

Смеркается. Поход не за горой
По топкому болоту за опушкой.
Устало прерывается кукушка,
Но хлеб доставит маленький герой.

И крошки партизан смахнёт с усов,
Протянет от краюшки мягкий ломоть:
«Спасибо маме. Долго будем помнить.
Держи, малец, поешь ты, без слов».

И снова в путь. То мох, а то вода...
Под всполохи зарницы или боя,
Да здесь уж как написано судьбою...
Дойти или оставаться навсегда.

И день за днём, пока идёт война
Не стынет печь и помогают дети,
Ведь знают, что за тыл они в ответе,
Всё выдержат как крепкая стена.

На фронте где-то выстоит отец,
Домой вернётся из окопов стылых,
Неся Победу, что осталось силы,
И мир настанет светлый, наконец.

Переверзева Ольга Вера

Сколько б ни было раз поражений, побед,
Не бывает ни рано, ни поздно.
И запомни: когда выключается свет,
Загораются яркие звёзды.

Если больно дышать, если выхода нет
И в секунду все рухнули планы,
Только вера одна может стать для тебя
Подорожником, лечащим раны.

Вера в честь и достоинство,
в доблесть людей –
В то, что денег и славы дороже:
Вера в Родину, вера в мольбу матерей,
Сыновей что вернуть им поможет.

В той и этой войне вера в правду и жизнь,
В тех, кто время напрасно не тратит,
Что не зря ты родился на этой земле,
За которую умер твой прадед.

Стиснув зубы, терпи, взяв всю волю
в кулак,
Если вера угасла немного.
Чтобы русский солдат оставался живым,
Мы здесь молимся Господу Богу!

Пивоварова Анна
России мужи не уходят в закат

Не видно снаряда, вокруг тишина –
Ни крика, ни шороха рядом.
Неужто окончена эта война
С последней пальбой автомата?

Слеза по небритой щеке потекла,
Вознёс руки к яркому свету.
И шепчет под нос: «Какого числа?
Когда одержали победу?»

Товарищ полковник, возглавивший штаб,
Героем что призван посмертно,
Солдату сказал: «Позади тот этап,
Ты в новом полку, ты в Бессмертном!

Тут Леха и Саня, Ахмед, Бикбулат
И ангелы-дети кружатся.
Здесь призрачным эхом – ни шагу назад!
За Родину-мать! Не сдаваться!

Молитвы с земли наших жён, матерей
Пронзают встревоженно души.
Ты с ветром промчись над могилой своей,
Когда будешь очень им нужен.

Пусть помнят, за что жизнь отдал ты,
солдат,
Цветок возлагая на камень.
России мужи не уходят в закат,
Коль надо – с небес щитом встанем!»

Пивоварова Анна
Разговор с бабушкой

Ты смогла! Скажи, бабуля, как?
Позабыть о драме той земной.
За плечами беспредельный мрак,
Пережитый беспощадный бой.

Доброту не превратила в сталь,
Не боялась темноты и гроз.
И стремилась в сказочную даль,
Переплы whole моря из горьких слёз.

«Поняла я с самых ранних лет...
На пути до счастья – горы тьмы.
Но идти вперёд, когда сил нет,
Ради жизни близких сможем мы».

Пименов Анатолий
Полесский заступник

Протоиерею Василию Копычко

Под Пинском плавилась земля,
В леса уходит волчья стая,
Туман холодный выдыхая,
Что заволакивал поля.

Отец Василий созывает
К Пятидесятнице народ,
Про сводки Совинформбюро
Сельчанам он напоминает.

А дома раненых не счесть,
Они залечивают раны,
Карателей разрушат планы,
И пресекут слепую месть.

Священник церковь запирает,
Над ним кружится самолёт,
На этот раз он не уйдёт –
Торжествовали полицаи.

Но Бог всё видит, защитит,
И Батюшка уйдёт в леса,
Лишь только явится роса,
Он партизан благословит.

И доживёт до мирных лет,
Когда возглавит церкви Пимен,
С медалями ушёл за ними,
За теми, кто давал ответ

Врагу тогда, в огне войны,
Наполнив верою Полесье,
А белый ангел в поднебесье
Смотрел, как к Богу шли сыны.

Пименов Анатолий Новосибирцам

Бурлила Обь, и в воду падал снег,
Гудят станки из разных городов,
В тылу глубоком сотни человек
Куют металл победы над врагом.

Уходят добровольцы, скав штыки,
И снег под сапогами их искрист...
В атаку вновь бегут сибиряки,
И ждёт назад сынов Новосибирск.

Барачный свет и белая пурга,
Вагонный грохот, фонари горят,
Уж от Москвы отбросили врага,
А дети снова делают снаряд.

Мне говорят, их вовсе не бомбили,
Но забывают люди об одном...
На всех фронтах новосибирцы были
И немца били за страну и дом.

Снег падает на улицы да крыши,
Слышины шаги скрипящих башмаков,
И, кажется, по небу шёл Покрышкин,
А по земле, под песню – Богатков.

Другие времена, страна, законы,
Другой наш современный человек.
То не метель ложится на вагоны,
А ангел с крыльев стряхивает снег.

**Пименов Анатолий
Художник-ветеран
Архимандрит Алипий (Воронов)**

Горела Волга, выли города
Сиренами и возгласами люда,
Идут полки, теряясь навсегда,
Надеясь на себя, винтовку, чудо.

Тайком ли, за спиной политрука
Перекрестившись «Боже, помоги»,
Иван, схвативши острий штыка,
Бежал вперёд, скрипели сапоги.

А после он плакаты рисовал,
Такой талант войне по нраву тоже,
Солдат других в атаку зазывал,
Ведь он по жизни был ещё художник.

В строю он встретит сорок пятый год,
Фронтовиков спасая под ударом.
В пятидесятом в монастырь уйдёт
От мира к Богу, в Сергиеву Лавру.

Художник-реставратор, крепкий штык,
Чья вера поднимает граждан снова,
Монах Алипий, бывший фронтовик,
Наместник он в Печорах подле Пскова.

Пименов Анатолий
Я тебя откопаю, отец

*Сергею Алёшкову, самому юному
защитнику Сталинграда*

До войны мир оставил отец,
Мать и брат с партизанами были.
Этот маленький звонкий скворец
Ещё толком не знал своё имя.

Плыли дни, и в тумане войны
Партизаны в засаду попали...
Крики женщин в кotle тишины,
Немцы маму и брата пытали.

Пятьке десять вот-вот просвистит,
Только он больше мир не увидит.
Петька брат на верёвке висит
И оттуда... врага ненавидит.

Мать застрелена... Нету родных.
Но разведчик, нашедший юнца,
Нёс его на руках на своих...
Так обрёл второй раз он отца.

Сын полка. Ему шесть и он рад.
Нет игрушек, но есть его папа...
А вдали в голос выл Сталинград
И отца завалило в атаке.

В блиндаже не видать ничего.
Звал своих, землю рыл эту сам.
Не осталось совсем никого.
– Я тебя второй раз не отдам.

Я тебя откопаю, отец...
Я достану тебя из могилы –
И свои добрались, наконец,
И спасли, кровь струилась из жилы.

Он недрогнувшей детской рукой
Землю рыл, а под ней сердце было.
Здесь Сергей самый младший герой,
Только шесть в эту ночь ему было.

Пименов Анатолий
Эхо войны

Стоишь на разъезде: закат, полоса,
И красным окрашены вновь небеса.
Колёса стучали, и дождик стучал,
И кто-то в вагоне, как прежде, не спал.

Прошло столько лет, как ушли мужики,
Когда в декабре индевели штыки...
Стоит монумент и сгибает в поклон
Потомков из разных далёких сторон.

Они не рядились: кто брат, кто не брат,
Стрелки разных стран у разъезда лежат.
А мимо несётся со свистом вагон
В другую страну, шёл другой эшелон.

В другую страну шлёт родная страна,
Такие сегодня у нас времена...
А ночью, казалось, равняя свой строй,
Потомков их предки позвали с собой.

Темно на разъезде, темно на душе,
Ведь было же, было такое уже...
Дождь буквы отмоет, как эхо войны,
Но эти слова нам уже не слышны.

Другая зима, дни другие теперь,
Вернутся вагоны, ты только поверь.
Колёсные пары на стрелках стучат,
И, кажется, снова тальянки звучат.

Пименов Анатолий Встаньте!

Встаньте, товарищи! Хватит сидеть!
Вспомним героев краснознамённых!
Всех безымянных и тех поимённо,
Кто на чужбине оспаривал смерть.

Из каждого дома, от мызы, от хаты,
Аулов, селений, станиц, кишлаков
За брата на запад уходят солдаты
Под горькую песню единых штыков.

Под вдовию песню, гонимую ветром,
Качавшую лульки соседских сирот,
Под песню без слов, прозвучавшую летом,
Они долго шли до берлинских ворот.

Они обманулись в потомках своих,
Их правнуки голосу предков не внемлют,
Их правнуки режут отцов своих землю.
Так вспомним, товарищи, снова о них!

Я слова не брал поучать вас сегодня,
Я слова не дал, чтоб его забирать...
Я слов не бросал, но пред лицом
Господним
Прошу вас минуту о них помолчать.

Пименов Анатолий Бурлаки

Они тянули груз, как бурлаки,
От пуль летящих молча замирая,
Шли батюшки, солдаты, мужики,
Их всех давно ждала передовая.

Врастая в землю, продолжали бой,
Друг друга из болота поднимая,
И только партизанской псинывой,
И снова тянут лямку, не снимая,

За нею не снаряды, не обоз...
За ними ни одной краюхи хлеба,
За ними не вагон, не паровоз,
За их плечами тянется Победа.

Одна на всех, одни на всех штыки,
Затягивает ад зелёным мхом.
Они тянули нас, как бурлаки,
Нас, не рождённых, тех, что на потом,

Своих детей, которых нет ещё,
Свои дома, которых не построят.
Под лямкой было сердцу горячо,
И пули наполняли землю кровью.

Ивытянули, не жалея спин...
В огне военном заживо горели,
И черти уважали блеск седин,
И ангелы над «бурлаками» пели.

Пименов Дмитрий Закат Цвета Крови

Огнём полыхнуло над лесом пронзительно солнце –
С ним Память незримая в мае зелёном сойдется
О тех, кто остался в ушедшем навеки строю,
О тех, кто девятого здесь соловьями поют,
Победы встречать годовщину им всем не придется,
Оставшимся в самом последнем и страшном бою.
Заплачет кукушка – она о погибших тоскует,
А день наложил этот швы, как всегда, наживую,
Всё меньше и меньше Героев найдется живых,
Закат понимает, закат цвета крови притих,
Не в силах никто тишину потревожить святыю,
Погибли они, но сердца чтобы бились других.
Ударилось небо о землю, налившись грозою,
И Память жила материнской, дочерней слезою,
Праправнуок только глаза безнадежно сухи,
Далёких от молота и от крестьянской сохи,
Им кажется: небо давно наливалось грозою,
А к дальним зарницам праправнуки будут глухи.
Сегодня же синее небо над лесом зелёным:
Сияет берёзок листвой и нахохлился клёном,
За зелень весеннюю кровь морем алым взята,
Войны арифметика смертью была лишь проста,
Война остается цепей и оружия звоном,
А годы уходят, и вместо людей – пустота.
Друзей боевых за громадою леса не встретить,
Как жить и любить – больше некому честно ответить,
А метрики Счастья утеряны кем-то давно,
Свои и Чужие врастают в Минувшего дно,
И лишь наверху гонит рябь по воде легкий ветер...
За блеском медалей, сиянием всех орденов
Закат только майский остался под знаменем прежним,
Касается яблонь и вишен в цветении нежном,
Прощается до годовщины Великого дня,
За год будет времени много, и кто-то понять
Сумеет в итоге погибших мечты и надежды,
Закат цвета крови любого сумеет принять.
Ударилось небо о землю – теперь так бывает,
Когда все истории горький урок забывают,
Закат цвета крови останется мирным пускай,
Ведь нужен, как воздух, в листве молодой тёплый май!
И те, кто погибли, с улыбкой на Землю взирают,
Ведь правнуки живы, и так будет вечно пускай!

Пименов Дмитрий
Эшелон Победивших

На Белорусский вокзал эшелон
Прибыл под звуки оркестра.
Все суетятся – но только не он,
От суеты зла и пресно.
Пять орденов, молодой капитан,
Ходит своими ногами!
Вроде всё так, только рядом обман,
Ведь провалила экзамен
Та, обещала, что верить и ждать,
Здесь же, тогда, в сорок первом!
Брат описал всё: упала в кровать
С неким штабным офицером...
Стёкла обиды Война в тот же миг
Пулей горячей из сердца –
Что горевать-то? Ещё не старик,
Главное – вышвырнуть немцев,
Жить можно будет, когда замолчат
Грозные залпы орудий,
Так и забыл капитан милый взгляд.
«Чёрт с ней! Война всё рассудит!»

Сколько же радости, солнца вокруг!
Фронтовиков обнимают,
Время окончено долгих разлук,
Мирная жизнь наступает!
Кто-то внезапно к нему подбежал,
Молча на шее повиснув,
И целовал, целовал, целовал...
Спутались фразы и мысли.
Девушка в платьице очень простом,
Лёгкая, будто тростинка,
А капитан вспомнил сразу вдруг дом
И с «Рио-Ритой» пластинку...
– С Праздником Вас! Извините, но вы
Очень на брата похожи...
Брат мой погиб где-то в центре Литвы,
Пономаренко Серёжа...
Слёз не пыталась девчонка сдержать,
Но улыбалась так нежно,
Что капитан вдруг сумел осознать:
Стало вокруг всё как прежде.
– Если позволите, Вас провожу, –
Он козырнул, улыбаясь, –

Я ведь давно никуда не спешу...
В тот майский день, разгораясь
Пламенем ярким, вернулась Любовь
В сердце взамен боли лишней,
Ну а вокзал принимать был готов
Вновь Эшелон Победивших!

Пименов Дмитрий
Будут стоять Ленинградцы

Помнить обязаны это мы все:
Междур землёю и небом
Властью своей упивается снег,
Запах горячего хлеба
Чем-то несбыточным кажется, но
Будут стоять Ленинградцы!
Ночью разбилось в парадной окно,
И за водою спускаться
К проруби вновь через вынужу идут
Женщины, дети и старцы,
Копья фашистов сломаются тут –
Будут стоять Ленинградцы!
Ветер кружит между скрюченных тел –
Жили они по соседству,
А на Смоленке на месте расстрела
Произведён – людоедство...
Самоуверенны пусть палачи
И не желают считаться
С Честью... Но сердце как прежде стучит,
Стойки в борьбе Ленинградцы!
При артобстреле наполнила Смерть
Улицы и тротуары,
Невский опасен сегодня проспект,
Но не возьмут город даром!
Вскрыт будет панцирь Блокады штыком
Красноармейским в итоге –
Их же отпотчуют немцев пусть злом
На ленинградском пороге.
Город не взять, и его не сдадут,
Нервно не станут метаться –
Ждать, пока голод и холод убьют?
Нет! Крепок дух Ленинградцев!
Пусть открывается смрадная пасть
Чьих-то наёмных мерзавцев,

Пусть говорят: «Лучше было бы сдать!»
 Пусть... Но в глаза Ленинградцам!
 Непокорённых один только взгляд
 Силою всё превосходит,
 А сомневаться в итогах блокад
 Низкой предписано моде.
 Будет надгробий не раз ещё взгляд
 На Пискарёвском касаться,
 Тех, кто ни шагу не сделал назад,
 Люди зовут ЛЕНИНГРАДЦЫ.

Порошина Мария
Госпиталь № 2212*

И на краю
 Мы не умрём,
 В светлом раю
 Песню споём.
 И на краю
 Души чисты!
 В светлом раю
 Нет черноты.
 И на краю
 Верность свята...
 В светлом раю
 Встретим Христа.

Прийма Александра
Предощущение

Впереди – бесшумный перекрёсток,
 Ноги ватные пытаюсь донести,
 Только рушит ветки на моём пути
 Разрыдавшееся ливнем небо.
 На скамейке сгорбленный подросток
 Разминает мякиши из хлеба.
 Странно смотрит – копья исподлобья.
 Страшно дышит. Вязкий серый пар –
 Словно дымом истлевавший пожар,
 Словно дух, растворявший во мраке.
 Стук дождя в ушах чеканной дробью
 Заглушает звук дворовой драки.
 Это сон. Мои глаза бесстрастны,
 Руки – плети, заключенные в оковы.
 Просто сон. «Не дай пролиться крови,
 Господи!.. Не дай пролиться крови!» –
 Не имея сил пустить на волю крик,
 Силюсь прошептать, – и не подвластны
 Вязнущие губы и язык.

Я проснусь с предчувствием потери.
 Не поверю. Это просто сон.
 Не услышу карканья ворон.
 Не замечу звук войны грядый,
 Как и стоны неожиданной метели,
 Заметающей кровавые следы.

* 12 февраля 1942 года финские диверсанты убили безоружных людей в посёлке Петровский Ям.

**Рябев Сергей
Поплачь, Солдат**

Поплачь, Солдат.
Поплачь о днях минувших,
О тех, кто навсегда остался в них.
И пусть вся скорбь Земли в глазах
Твоих –
Ты плачь и говори.
Я буду слушать.

Мне расскажи, Солдат, как было
страшно,
Когда снаряды – прям над головой.
Как Ты боялся, выступая в бой,
Но щёл.
Стрелял.
И был врага отважно.

Скажи, Солдат, как Ты упал без силы,
Когда бойцы поднялись на Рейхстаг,
Когда над ним зарял Красный флаг,
Оправдывая братские могилы...

Ты плачь, Солдат.
Тебя не укорю я –
Нам Твои слезы, как вода, нужны.
Чтоб помнили.
Чтоб не было войны.
Поплачь.
Тебя в лоб
Мраморный
Целую.

**Садикова Диана
«Будто был вчера я на войне...»**

*Моему прадедушке – участнику
обороны Сталинграда
Загидуллину Минегулу Ахметдиновичу*

Здравствуй, Минегул, мой прадед!
Я пишу тебе сквозь много лет.
Благодарности не угасает свет,
Нам с тобой его навечно хватит...

Наглотавшись дыма Сталинграда,
Защитил Отчизны честь в огне:
«Был на этой проклятой войне...» –
Говоришь своим печальным взглядом.
Кровь твоя во мне бежит – так надо.
Ей благодаря живу с открытым сердцем,
Улыбаюсь из последних сил.
Думаю, что так бы ты учил
Жизнелюбию, дающему согреться.
Противостою жестокости и злобе,
Чтоб людей вокруг не обижать.
Память о тебе не учит вратъ.
Этого достаточно вполне:
Будто бы с тобой была я на войне...

Знаешь, прадед, у меня семья,
Есть и сыновья – Илья и Миша.
Может быть, их голоса ты слышишь,
И они похожи на тебя?
Оттого мне радостно вдвойне –
Прапрадедушка – герой на той войне.

Прадед Минегул, а я – учитель
И воюю с мелом у доски,
Часто задыхаясь от тоски,
Современной молодёжи зритель.
Говоря ребятам о войне,
Слёзы все до капли отпускаю.
Не была... но чувствую и знаю,
Помню, что, храню и уважаю...
И даю отпор минутной слабине –
Я горжусь, что был вчера Ты на войне...

Селезнева Татьяна **День победы**

Когда закончится война, нахлынет боль,
И Бог зажжёт каштановые свечи
За павших воинов, за мир, за нас с тобой,
За каждый пережитый горький вечер,

А мы вернёмся в уцелевший храм
И вспомним всех погибших поимённо.
Прикрыв глаза, Господь ответит нам
Разлитым в небе колокольным звоном.

У алтаря расплачется солдат,
Укрыв молитвой душу, словно пледом.
И в скорбной череде печальных дат
Мы встретим долгожданный День Победы.

Всю нашу боль не выразить в словах,
Через года она не станеттише.
Но кисть и краски вновь возьмёт монах –
И лик святого с воина напишет.

Ситенко Виктория **Безымянные солдаты**

...В безысходности стих пулемёт,
Штык-ножи выпускают жало.
Вновь в атаку!..

Смолкает. И вот,
Был боец, а теперь не стало...

Не успев заслужить наград
И в жестоком бою отличиться,
Он лежит, рядовой Солдат,
Распластав руки-крылья, как птица.

Вспоминать будет только лишь мать,
Пока с горя не сложет в могилу.
Не успел Он отцом даже стать,
Не познал женской ласки милой...

И товарищи третий нальют,
Выпьют залпом, не морщасть, водки...
Стал Он просто погившем в бою,

Грудой цифр из военной сводки.

Милиардом событий и дат,
Взводом, ротой и армией даже...
Растворился простой Солдат
В том ужасном военном пейзаже...

Он такой же простой, как и те,
Без фамилии, имени, звания,
Что остались на той высоте –
Точке координат без названия.

И пускай стёрлись их имена,
Позабылись фамилии, даты...
Мы обязаны жизнью сполна
Тем простым безымянным солдатам!

Их частичка – в святой тишине,
В свете солнца, в полёте птицы...
Их частичка – в тебе и во мне
Сквозь века в грудной клетке стучится!

Ситенко Виктория **Снайпер**

Ещё посмотрим, кто кого!
Хватает взгляда одного:
Он далеко. Но здесь его
Я чувствую всей кожей.
Я ночь не спал, два дня не ел.
Смотрю в оптический прицел
И радуюсь: пока что цел,
Но враг не дремлет тоже!

Немало наших ты убил!
Держусь я из последних сил.
Давно б курок уже спустил,
Но, стиснув зубы, жду я.
Ещё немного до весны.
Земле, наверно, снятся сны...
В двойной прицел глаза видны:
Фашист опасность чует!

Он чует, что я тоже жду.
День проползает, как в бреду,
Но я не сдамся, не уйду,

(Изображу улыбку).

Нет, кажется, ни рук, ни ног.
За двое суток я продрог,
Но знаю я, и видит бог:
Нет права на ошибку!

Остановило время бег.
Прошла минута или век?
Посыпал белый, чистый снег,
Как цвет черёмух в мае...
На лбу росой холодный пот...
Фашистский снайпер вдруг встаёт!
И на секунды счёт идёт,
Я точно попадаю!

Ему стреляю прямо в грудь.
Меня, дружок, не обмануть.
Хотел уйти? Что ж, кончен путь!
Ну, вот и нету фрица.
Перехватившись за приклад,
Иду к своим. Иду назад.
Не знаю даже: рад не рад...
Поспать бы и помыться...

Стойко Артём

Мужество

Обещая вернуться скорей,
с материами прощались ребята,
с сорок первого по сорок пятый
отправляясь навстречу судьбе.

Сколько мужества нужно иметь,
чтобы встать на защиту Отчизны
и пожертвовать собственной жизнью,
не потребовав что-то взамен!

Сколько мужества нужно иметь,
чтобы, ежели необходимо,
отпустить беспрепятственно сына
на войну, где свирепствует смерть!

Кто страдал, сделав выбор, сильней:
Миллионы погибших на фронте,
или матери их, похоронки
получившие на сыновей?

Томайлы Дмитрий

Бледные мальчики, белый снег,
Капли огнём на снегу.
Сломаны, скомканы, кончен бег,
Дальше идти не могу.
Серою массою, ног печать
Молча шагает отряд.
Хмуро, отчаянно, глаз печаль –
Всё сохранил их взгляд.
Страшно, безумие, вновь звучит
Глупое слово «война».
Мать над бумажкою в голос кричит,
Она осталась одна.
Бледные мальчики, белый снег,
Красные капли горят.
Жили, любили, но нет их, нет.
Молча шагает отряд.

Труфанова Дарья Горячая зола

Мой Прадед мира не увидел...
На встречи боевых друзей
Не одевал в медалях китель
И внуков не водил в музей.
Не поднимал бокал он в мае
В семье за праздничным столом,
Не видел журавлиной стаи
Весною в небе голубом.
Погиб в бою, сгорел он в танке,
Исчез в обугленной земле,
Война теперь для многих – ранка,
Но от ожогов больно мне...
Их на веку моем немного,
Но каждый сердцем принимай,
Для сердца с Памятью ожогом
Становится цветущий май.
Исчез мой прадед – лишь на фото
Остался облик навека,
Сквозь зелень крон окликнет кто-то,
И чья-то на плечо рука
Мне ляжет... Ну конечно, деда!
Его увидеть не пришлось,
И не узнал он, что Победа,
Оставив для врага лишь злость,
Жизнь потерял во имя Жизни,
И чтобы я дышать могла,
В глаза мне солнце ярко брызнет,
Но горяча ещё зола...
И танк, сгоревший с экипажем,
Застыл на выжженной земле,
Войну не вспомнит кто-то даже...
Меня частица – в той золе.

Труфанова Дарья Овчарка

Ты чувствуешь? Больно и жарко
Сегодня ударило солнце...
Скулит у казармы овчарка –
Идти ей в наряд не придется.
Ты видишь в зеленою фуражке
Убитого красноармейца?
И не по-звериному тяжко
Овчарке... Щенячее сердце
В тот вечер его полюбило,
Когда лейтенант обнаружил
Щенка... И от голода силы
Противиться не было стуже.
Два года на этой заставе
Провел с лейтенантом пес Верный,
Не знал – мир пятою раздавит
День страшной войны самый первый.
А звери мышного цвета
Палили казармы заставы –
Кровавое, черное лето
И ненависть к людям – приправой.
Облизывал пёс лейтенанта
Холодные белые щёки,
Но так и не слышал команды
И слов одобрительно строгих...
А ночью под редкие взрывы
Над мёртвым в фуражке зелёной
Овчарка пронзительно выла,
Земля отзывалась ей стоном...
В четыре утра даже летом
Прохладно, а мне – очень жарко...
Я слышу, завыла как где-то
На стервой границе овчарка...

Цыганов Евгений

Дорогая моя, ты не лей понапрасному слёзы,
Моих писем листы сразу после войны не сжигай.
Я убит. Надо мной через тридцать лет будет берёза,
Если любишь меня, обязательно к ней приезжай!

Я не помню боёв. Я не знаю, ведь памяти нету,
Всё, что было со мной, вам расскажет об этой войне.
Я прошу тебя вновь, если наша случится Победа,
Подъезжая к Сири, загляни на берёзку ко мне.

Не пугайся земли, не пугайся простреленной каски,
Медальона с листком и разбитой винтовки в руке,
Я все тот паренёк, кто читал тебе детские сказки,
Кто остался родным, даже если погиб вдалеке.

Дорогая моя, отгремят над Россией угрозы,
И на Сибирской земле будет новых эпох урожай.
Я – Герой! Надо мной через тридцать лет будет берёза.
Если сможешь найти, обязательно к ней приезжай!

Шаврина Екатерина Зоя

Босую девчонку выводит каратель
По жгучему снегу в трескучий мороз.
Табличка на шее висит «Поджигатель»,
Но нет в душе страха и нет в глазах слёз.

Звучит её голос, к толпе обращённый:
«Не страшно за Родину мне умереть!
Боритесь! Не бойтесь! Ведь нас миллионы!
Не надо стоять и не надо смотреть.

Товарищи, знайте, победа за нами!
Тебе лучше сдаться, немецкий солдат!»
Ошеломлённо – большими глазами
Враги на девчонку-задибу глядят.

В ней сила характера, твёрдая воля.
Геройски на свой эшафот взобралась
Бесстрашная хрупкая девушка Зоя.
Её не сломили, она не сдалась!

Склонившись в почтении, взяв в руки свечи,
В минуте всеобщей замрём тишины.
И вспомним оставшихся юными вечно
По-детски отважных героев войны.

РАЗДЕЛ 3

**«ВОЗЬМЁМСЯ ЗА РУКИ,
ДРУЗЬЯ!»**

Бабошина Наталья

В том мире, где нет войны,
Цветы по дорогам россыпью.
Так трепетны и нежны,
Разбужены ветра поступью...

И зреют в полях хлеба,
Как строки прекрасной повести.
О, счастье, что не война
В бескрайней её жестокости!..

Когда в тишине ночной
Столкнуться не рад над пропастью
С бездомной, чужой луной,
Измазанной чёрной копотью.

Когда не свистит свинец
Над жизнью с огромной скоростью;
Когда не лежит рубец
У сердца народной горестью.

И детских могил когда
Не встретишь немые холмики...
И душу, как гладь пруда,
Не рвут от пожарищ всплохи...

Бобылев Дмитрий

Отец проходит молча из сеней,
Отец плотнее двери закрывает,
Снимает кирзачи, кивает мне,
Зеленый рукомойник наливаает.

На полотенце выцвели цветы,
Зато настой густой в побитой кружке.
Ещё он от работы не остыл,
И за футбольку зацепилась стружка.

Он с улицы, но смотрит за окно.
Не стар ещё, а дом совсем уж рохля.
На ветке виден зяблик-свистунок,
А яблоня почти уже засохла.

Такой сюжет, обыденный вполне.
И тут как тут в луче пылинки вются.
А у отца – комарик на спине.
Согнать бы, но до слёз боюсь проснуться.

Данилова Степания Сохранёнка

Я еду к тебе, и это уже не страшно:
нет ожиданий, а значит и боли нет.
Мы стали на пару стоптанных шлёток
старше.

Я видела тьму, пока ты смотрел на свет.
Я еду к тебе на крепкие разговоры
О том, что непоправимо, но и оно
пройдёт, как проходят даже моря и горы,
если смотреть в автобусное окно.
Погасшая, неудобная, неживая,
с чувством опустошённости и вины
Я еду к тебе, как будто бы нажимаю
на сохранёнку, где ещё нет войны.

Данилова Стефания Ангел необстрелянных городов

Если быть запредельно честным и откровенным, я доучиться на ангела не успел. Так, затуплял ножи тем, кто резал вены, и пару-тройку обычных небесных дел: чтобы кипяток не пролился на повариху, чтобы дитя в детдом не сдавала мать... Здесь, на Небе, такая неразбериха – мне приказали перераспределять неучтённые судьбы, которые оборвались и не продолжатся теми, кто их носил. Мы устремлены так, чтобы не знать усталость. Но и у нас уже не хватает сил.

Вот парнишка – простой, смышлённый и даровитый. Он придумал открыть метро Петербург – Москва, а теперь уснул, талантливый и убитый, и в глазах застывает вечная синева. Передо мной сияет его задумка, что должна быть реализована, ё-моё. Ни один до такого ранее не дотумкал. Я не вижу того, кто б довел до конца её. Знаю, строителей и инженеров много, но такой проект – нечто большее, чем матчасть. И под землей стрелой пробежит дорога, по которой поезд прощмчится всего за час.

Вот девчонка. Она могла бы создать лекарство, что спасло бы от рака и пары других проблем. За её жизнь бы никто не отдал полцарства, ибо проклято наше царствие на Земле. В кончиках пальцев жжётся её идея, а под чистым небом живут миллионы тех, кто и базовыми-то знаниями не владеет, чтоб она обрела применение и успех. Я смотрел на студентов из медицинских вузов – их обуяло неверие, будто мгла. А для этой идеи вера нужна как Муза, чтобы она себя воплотить смогла.

А эта пара умерших молодожёнов не превратится в старушку и старика. И вот они лежат в земле обожжённой, а любовь их мерцает снова в моих руках. Вот бы она попала к хорошей паре, близкой к разрыву. Но я не знаток вас всех и существую в вечном ночном кошмаре, что использую чьи-то сокровища не на тех. Из меня хреновый распределитель судеб, зарисовок, задумок, талантов, даров, любви...

Если вдруг обнаружишь их, как котёнка в сумке, –
постарайся сберечь и ангелов не гневи,
ведь идея не может существовать не в теле,
и кому-то из вас достается случайный дар,
потому что все то, что погибшие не успели,

должен кто-то прожить в необстрелянных городах.

Данилова Стефания

Урок любви

Когда половинки одного мира стали тереться
друг об друга, создавая скрежет и гул,
я зачем-то опять распахнула сердце
для всех, кто меня обманул.

Как слониха слонят, я злобу в себе носила,
мечтая втоптать их в грязь и размазать по стенке шпателем.
Но в какой-то момент злиться стало не-вы-но-си-мо
на обидчиков школьных, бывших, друзей-предателей.

Ибо происходящее – великий урок любви
беспощадной, немыслимой, грандиозной,
в её словаре нет понятия «неликвид»
или «поздно».

Вряд ли глаза их встретят мои глаза.
Как створки раковины – моллюск,
двери в дома их захлопнулись век назад,
но я за них помолюсь:

пусть у них будет синее небо над головой
и на сладкий чай пригласит сосед,
пусть никогда не раздастся их волчий вой
по тем, кого потеряли они насовсем.

Евсеева Елизавета

Дом

От ветра качнулись берёзы,
От света рождается тень,
От капли рождаются слёзы,
От слёз не рождается день...
От боли, от крови, предательства,
От холода, горя и зла,
От пепла, тьмы, издевательства
Жизнь людей так тяжела...
От чувств рождаются чувства,
От друга рождается свет,
От любви – безрассудство,
от танца – искусство,
От улыбки – улыбка в ответ...
...Друзья, так возьмёмся за руки,
Нарисуем солнце и дом
Большой-пребольшой, полный радости,
Где мы в мире дружно живём,
Где нет места обидам, ссорам,
Дом, в котором рождается лад,
Где нет места пустым разговорам,
Где не будет для счастья преград...

Ерофеева Елизавета **Украинской подруге**

Посвящается Марии Питишкіні

Пускай сатана лютует,
В руинах пускай цветы –
Пока другие враждуют,
Мы будем строить мосты.

Нас жизнь призывает снова
Родное своё сберечь.
Мы всё сбережём – и мову,
И русскую нашу речь.

Мы всё сохраним до крохи
В надежде на благодать,
Обрывки своей эпохи
Мы будем шить и латать.

Мы будем смеяться ночью,
Распутывать темноту,
Увидим вместе воочью
И Киев, и Элисту.

Пусть тысячи километров
Лежат между «я» и «ты» –
Но будет цела планета,
Пока мы строим мосты.

Ерофеевская Марина **Алёнка**

Сквозь решётку-паутину
Я гляжу в своё окно –
Интересная картина,
Как в каком-нибудь кино:

Куклы, зайчики и мишки
У заборчика сидят,
Паренёк несёт подмышкой
«Настоящий» автомат.

Целит в мишку автоматом,
Раздаётся: та-та-та,
И летит клочками вата
Из большого живота.

Он, гляжу, не понарошку,
А всерьёз вооружён.
Я кричу ему: «Алёнка!
Убивать нехорошо!»

«Я совсем не виноватый!
Это враг, а я герой!
И хочу, как все солдаты,
Быть за Родину горой!»

Я ведь тоже не трусишка,
Хоть и слёзы на носу,
Потерпи, мой милый мишка!
Я сейчас тебя спасу!

Нитки я беру и вату,
Буду шить и бинтовать.
Если нету виноватых,
Кто же в этом виноват?

Всё пройдёт, ещё немножко.
Отчего-то грустно мне,
Вот бы нам с тобой, Алёнка,
Не встречаться на войне...

Ерофеевская Марина Эпоха

Кто на небе включает солнышко – вот бы знать,
Ведь сегодня на Новодевичьем вновь весна.
Я брожу вдоль стены святого монастыря,
Здесь легко по памяти «Отче наш» повторять.
Нахожу среди прочих – Тихонов Вячеслав.
Сколько женских сердец разбито! Им нет числа.
Броневой, Гриценко, Чернов и чуть дальше – Плятт.
Я гляжу на гранит, на фото и прячу взгляд,
Окунусь в ностальгию юности с головой –
Табаков, Евстигнеев, Дуров и Лановой.
И мгновенья весны проносятся надо мной,
Я хочу назад! Я до боли хочу в кино!
Где всё выдумка, ложь, фантазия, дубль второй,
Где «герой» не посмертно – просто киногерой!
Где стреляют из муляжей и рисуют кровь,
Понарошку там ждут мужей и спасают кров,
Где блистают звёзды огромной величины!
Где по-настоящему нет на земле войны!

И гвоздики дрожат в руке, шелестит слюда.
Не скучай, мой Штирлиц! Я снова приду сюда.
Мне два раза уже семнадцать, летят года.
И уходит эпоха целая, но куда?

Королева Алиса

На долгий-долгий миг замрут колокола –
И снова зазвонят пронзительнее, ближе...
Мне непонятна смерть и память тяжела.
В беспомощной тиши надежды отзвук слышен.

Мне видится отец с ребёнком на руках:
Ни мёртвый, ни живой на страшном пепелище
Глядит куда-то вдаль, потом – на облака.
Сынишка просит пить, глазами маму ищет.

Отец – один из тех, чья жизнь полнее фраз,
Чьи светлые слова так больно ранят ныне:
«Пускай пройдут века – не забывайте нас.
Мы все хотели жить, любили вас, родные.

Рождались мы, росли, влюблялись – и ушли.
Не плачьте, ваша скорбь пусть обратится в силу.
Храните, люди, мир во всех концах земли!»
Крик выжженных сердец молчание вместило.

Когда же сила в нас иссякнет до конца
И правда будет жить в одних лишь книгах древних,
Тогда восстанет сын с бессмертных рук отца
И к жизни возвратит сожжённую деревню.

Макарова Олеся Утро Пятидесятницы

Заботы будут после. А пока
Воскресный день. Весенняя прохлада.
А над землёй – барабаны-облака,
Как будто улыбаясь свысока,
Вновь к небесам притягивают взгляды.

Берёзка вниз склонила до земли
Своих ветвей зелёные косицы,
Сияют златом купола вдали,
И люди в храм торжественно вошли,
Встречая праздник радостью на лицах.

И снова можно класть земной поклон
И радоваться сердцем и душою.
И Троицкий хрустальный перезвон
Летит со всех концов, со всех сторон
С благословеньем над землёй родною!

Макарова Олеся Бессмертный полк

С солнцем и под дождём
В эти святые дни
Это не мы идём,
Это идут они.

Сквозь перепутья лет –
Вечно живой отряд,
Чей-то отец и дед,
Бабушка, мать и брат.

Каждый из них – боец,
Каждый из них – герой.
С песней, под стук сердец
Гордо шагает строй.

Те, кто в огне войны
Свой исполняли долг!
Память родной страны –
Это бессмертный полк!

Пименов Анатолий Старый храм

Строят храм, что когда-то любили,
Но разрушил идейный солдат,
Столько сил в эти камни вложили,
Старики и с десяток ребят.

При царе был построен из брёвен,
От набегов на царство сгорел...
Император был менее скромен,
Камня с золотом не пожалел.

Позолоту с него отодрали
И, иконы отправив в музей,
Крест могучей главы отобрали –
Будет клуб для рабочих друзей.

Но и этого времени мало,
Новый враг разбомбил заодно,
Как и рядом завод по металлу,
Опасаясь, что в стенах пишено.

А с Победой пришли добровольцы,
Обнаружив постройку пустой,
Большинством голосов комсомольцы
Перестроят под склад зерновой.

Всё меняется, вехи и планы,
И земля расцветёт после ран,
И опять решено над курганом
Возвести на былом месте храм.

Денег нет, но опять стучат молотом.
Купол краскою красят сыны.
Да не нужно Ему наше золото,
Лишь бы жил человек без войны!

Пименов Анатолий Встреча

Они глядели друг на друга,
Седая ночь и новый день,
Ушедших дней лихая выюга
И новых батальонов тень.

Тоска на выжженной дороге,
Сапог на гильзе у моста,
И молодость смотрела строго
В едва открытые уста.

А старость, не сгибая спину,
Кляла, на чём стоит весь свет,
Кляла себя и дней пучину,
И тяжкий груз ушедших лет.

А молодость ей отвечала,
В смятении потупив взор,
За скрежет нового металла
И перед старостью позор,

Что мир сберечь не получилось,
Добытый много лет назад,
Где правда с сердцем разлучилась,
И в том же месте встал солдат.

Они друг другу не родные,
Но породнённые войной,
Один – герой в сороковые,
Другой – в двадцатые герой.

Порошина Мария Цыганка

А я с гитарой летом
Сижу на сундуке!
И кажется монетой
Мелодия в руке!

И кажется счастливой
Вечерняя печаль,
И кажется красивой
Заоблачная даль.

Рубанова Анна
Маленькому рыцарю

*Посвящается девятилетнему мальчику,
который фотографировал оружие в Эрмитаже*

Оставь этот рыцарский меч (не дамоклов ли он?).
Есть и другое в коллекции Эрмитажа:
Скульптуры богов, лучезарные лица икон,
Тронные залы и сказочные пейзажи...

А ты всё мечтаешь схватиться за арбалет,
Вынуть из ножен острый клинок кончара...
Мой юный идальго, в желании видеть свет
Ты повторяешь судьбу самого Икара.

Мальчишка не слушает, занятый сразу всем:
Стал для него музей оружейной палатой.
И вот он внезапно хватает блестящий шлем,
Вмиг облачается в ярко-стальные латы,

Вооружается древним лихим мечом –
Скачет на лошади, превозмогая стужу,
Сражается в битве и, радостный, со щитом,
Едет обратно отважным и верным мужем.

...Зачем тебе эта короткая яркая жизнь?
Вовсе не с мельницей, милый, придется биться.
Однажды устанешь – развеется твой каприз,
детский и шуточный. Слышишь, мой маленький
рыцарь

печального образа... Кажешься ты другим.
Страшно понять: и великие – умирают.
Мечта – это пламя, а слава – пьянящий дым.
Хочешь гореть – гори, ничего не зная

О том, что вернешься домой в ледяной туман
Брошенный некогда преданным Санчо Пансой.
И в изнеможенье от кровоточащих ран
Будешь кружиться с любимой в предсмертном
вальсе.

Ситенко Виктория
Если...

У одних – горяча ладонь.
У других – холоднее льда...
Если есть на земле огонь,
Значит, где-то течет вода.

Если есть на земле тоска,
Значит, радости точно быть!
Если в небе лишь облака,
Скоро солнце начнет светить!

Если много сейчас разлук,
Значит где-то любовь идёт.
И из сотен похожих рук
Твою руку она найдёт!

Полной грудью дыши и верь:
Не напрасно нам жизнь дана!
Если в сердце сейчас метель,
Значит скоро придет весна!

На земле есть конец всему.
Понапрасну не тратьте дней:
День грядущий сменяет тьму...
Не сдержать этих двух коней!

Если есть во Вселенной ад
Быть не может, что рая нет!
...Провожаем мы все закат.
Но... ко всем ли придет рассвет?..

Соколова Мария
Мне снился сон...

Мне снился сон... Что в мире нет войны,
Что нет звонков тревожных
с Украины,
Что нет жестокой, варварской орды,
Что санкциями нам стреляет в спины.

Мне снился сон, что не было Чечни,
Что не было войны в Афганистане,
Что нет сейчас бессмысленной вражды
Меж русскими и теми, с кем стояли

Деды и прадеды в Отечественной
в ряд,
В окопах с кем друг друга согревали,
И с кем делили пороха заряд,
И руки у костра с кем обжигали...

Мне снился сон... Иль я живу во сне?!

Ведь наяву такому не свершиться,
Чтоб оккупантами назвали нас в войне,
И некому это извиниться...

Мой прадед столько вынес на войне!
Он спас Европу от беды и крови.
Он так хотел, чтоб мир на всей земле
Торжествовал! А вы?!

В чужих глазах – герой!

Освенцим, Киев, Прага и Москва,
Освобождая вас, солдат советский
Горел в атаке, пеплом жёг глаза...
И прекратил фашистов зверства!

Он баррелем не мерил свою власть.
Он шел к победе по иным дорогам.
Чтоб жили вы, он натерпелся всласть
И не дожил до этого позора,

Когда брат брата убивать готов,
Когда из «Града» – по живым мишням.
Луганск и Киев, Харьков и Донбасс,
Он вас спасал, забыв про все лишенья!

И шли вы вместе... И к плечу плечо...
И хлеб последний пополам с слезами.
И слёзы душу жгли так горячо,
Что невозможно передать словами.

И я не дам согласие на то,
Чтоб прадеда называли оккупантом.
Он вечность заслужил себе за то,
Что не был в этом мире квартирантом.

Мне снился сон... Что в мире нет войны...

Уперчук Роман
Что такое война?

Если хочешь узнать, что такое война –
Не ходи к королям за ответом.
Её смысл они не поймут никогда,
Он для них будет вечно неведом.

Ты спроси ветерана, героя войны,
Что прошел через адское пламя
Тех боев, где друзья были умерщвлены;
Деревень, разоренных врагами.

Обратись к семьям тем, где десяток детей
И остались они без кормильцев.
Лишь во сне, лишь в период коротких ночей
Видят снова отцовские лица.

К бедной девушке ты подойди, наконец,
Чей жених смерть нашел в поле боя.
А недолго – и вместе пошли б под венец...
И теперь сердце корчится в скорби.

Виноватых и правых здесь нет. Но зато
С двух сторон лишь обычные души
Губят с дикою злостью друг друга, притом
Проклиная словами похуже.

Но зачем? Неизвестен ответ на вопрос.
Только дети вокруг умирают.
Для чего Бог идею войны нам принес?
Он один, вероятно, и знает.

Шевченко Виктор

Чистое небо

Не представить мне то и не взять. И не внять
Те минуты, когда ты в заочном прицеле
Своей жизни – последнего, ценного дня.
Я ослеп и оглох весь от будничных трелей;

Дай мне больше огня.
Дай мне больше огня.

Что такое – бояться небесных высот?
– Мои окна чисты, мои окна прозрачны.
По другим стёклам выстрел из РСЗО
Даже принципы жизни ломает с отдачей.

Где дрожит горизонт.
Где дрожит горизонт.

Неизвестность застыла на Юго-восток.
Поцелуй столь внезапен, как будто со смертью

Перебита черта.
Переступлен порог.
И готов неотвратно судьбы горький вертел.

Я бросаю с окна свой потерянный взгляд,
А другой в страшной яви ходит по грани:
То сумеет увидеть и завтра закат,
То сегодня, сейчас! от земли в Лету канет...

Это мёртвых река.
Это мёртвых река.

Это бьёт по вискам. Это сводит с ума.
Сердце ритм не держит, а только считает,
Как часы безысходного Судного дня,
Лишь конечный миг жизни печально не зная.

Пыльный вечер по ветру донёс мне с границ
От невинных детей

отголоски от взрывов
Чуть в себе растворив, но спасли крики птиц
И застывшие слёзы разорванной ивы.

Звёзды падают вниз.
Звёзды падают вниз.

Я проникся той болью. Разрушен внутри.
Каково же – носить нераскрытую рану!
Пред рассветом кровь может не только с зари,
Но и даже с меня и пролиться, и капнуть.

Не упасть не могли.
Не упасть не могли.

Пригорев на обломках, познав горе вновь,
Я отрину беспечное просто и слепо.
Лишь тогда посмотрю и в другое окно,
Где однажды увижу там чистое небо....

РАЗДЕЛ 4

«ЛЮБОВЬЮ К РОДИНЕ
ДЫША»

Беннер Анастасия

Быть русским

Весь мир удивляется: как это русским
Себя называет чеченец, бурят
И как без раздора, по-братьски, в окопах
Воюют Василий, Меджид, Хасбулат.

Хватает им как бесконечного неба,
Хватает им трав, косогоров и рек,
Хватает на всех поделённого хлеба,
И хватит земли, если лягут навек.

Столетья землёй прирастала Россия,
Сбирая народы в единый кулак,
И в этом и есть наша мощная сила,
Хоть вторят, что слабость, но это не так.

Быть русским с раскосыми можно
глазами,
А можно с пшеничной копною волос,
Молиться ты можешь перед образами,
С Аллахом беседовать можешь всерьёз.

Быть русским не значит быть чистым
по крови,
С такого-то края, с такой-то семьи,
На это у недругов хмурятся брови,
Но нас не волнует, что скажут они.

Быть русским – ценить содержанье,
не форму,
Сосуд наполнять благодатной росой,
Навстречу идти злому, новому штурму,
Себя укорять за душевный простой.

Вставать за Россию, когда со слезами
Она позвала дочерей и сынов,
Чтоб через столетья потомки сказали:
«Спасибо, что Мир взвратили
нам вновь».

Быть русским – собой рисковать
для другого,
В минуту печали подставить плечо,

И нету у русских варианта иного –
Так сердце велит, ведь оно горячо.

Мы любим наотмашь и также воюем,
Не тужим, надеемся, верим и ждём,
День нашей страны отмечаем в июне,
А в мае победные песни пойм.

И снова затянем победную скоро,
Салютом раскрасим небес синеву,
Как только разрушим фашистские норы,
Как только закончим войну наяву.

Быть русским – хранить свою верность
Отчине,
Не выехать в Грузию и Казахстан,
Не врать, что в стране никакой нету жизни,
И деньги не жертвовать нашим врагам.

Иначе не можешь ты звать себя русским,
Предавши народ и на Запад молясь,
Езжай, ты успеешь ещё на погрузку,
И не возвращайся, прошу, ты назад.

Мы справимся сами, без вас даже лучше,
Никто не мешает страну возрождать,
Нам нервы не трясти, зовя ваши души
Припомнить, что русскому Родина – мать.

Быть русским – своих не бросать
ни в какую,
Сплотиться в едином строю боевом
И тыл так построить как передовую,
Чтоб вместе с парнями бороться со злом.

«Что значит бы русским?» – ответить
непросто,
Для этого век нужно русским прожить,
Но все же скажу, чтоб снялись все вопросы:
Быть русским – быть с Богом
и просто любить.

Бобылев Дмитрий Юнкер

Уведите его за фронт!
Воздух пачкает красной краской,
Воздух жалит картечью, лязгом,
Киасиры со всех сторон...

Уведите его за фронт!
Крест Андреевский, крест нательный,
Сохрани под огнем прицельным,
Сбереги его от ворон!

Юнкер, юнкер, тебе ли в пекло,
Портупея в пыли поблекла,
Страшно в знаменные ряды –
Будет свалка, и жди беды!

Мы зубами удержим шанцы,
Будет вера – и будут шансы,
Эй, пехота, ударь в штыки!

Кто ребенка пустил в сраженье?
Враз – толчок, и у сердца жженье,
И не волен поднять руки!

Этот день был такой горячий...
Ты вдруг понял, что – настоящий,
Лишь бы только не умер он –

Кто под ядрами и картечью,
Захлебнувшись родною речью,
Встал за веру и за Отечество –

Унесите его за фронт...

Бобылев Дмитрий Пейзаж с рыбаками

Спадает жар. Прощальные лучи –
Тем ярче, и желтее, и продолней.
Еще чуть-чуть – и заискрится донник
Росой, и где-то стадо замычит.

Удильщик, как загадочный Харон
(Темнеющий с потрепанной гравюры),
Висит над небом, в небе отражён,
Веслом выводит плавные фигуры.

И тихо так, и ясно, и тепло,
И босоного, и штаны чужие,
Спасенным будет Спасское село
И мы, за то, что в нём когда-то жили!

Такое небо – будет ли ещё?
Несется время бешеным аллюром.
Весло толкает лодочку под счёт,
Желтеет облако
И рвется кракелюром.

Борзова Светлана

Ольга

Ольга стоит над обрывом.
Ольга глядит на воду.
Катит Великая волны –
Вечность среди лесов.
Перед княгиней живо
Виден со всем народом
Город, преданий полный, –
Славный могучий Псков.
Ольга на траву ложится,
Ветер ласкает плечи.
Пение волн прибрежных,
В небе протяжный стон
Вечно свободной птицы.
(Сокол, а может Кречет).
Очи княгиня смеются,
Дивный ей снится сон:
Будто бы с неба льётся
Трио лучей прекрасных
Прямо на земли Пскова,
Божий бесценный дар.
И освещает солнце
Купол собора ясный,
И благодать Христова
Псков бережёт всегда.
Троицкий храм над обрывом
Вырастет через годы.
Ольга глядит на волны,
Вдаль, через тьму веков.
Дело княгини живо
В сердце её народа.
Славы и счастья полный
Здравствует ныне Псков!

Гончарова Анна

Августовский туман
Вновь размыл фонари за окном,
Где-то едут такси,
Нереальные, словно фантомы...
Силуэты берёз
И расплывчатый каменный дом,
На полу растёт стопка
Любимых стихов – том за томом...
В предсентябрьские ночи
Всегда так хотелось гулять
И вдыхать эту жизнь,
Этот воздух и пряные розы.
Я пыталась уснуть,
Но вставала опять и опять;
Подходила к окну,
Заменяя поэзию прозой.
Светочных фонарей
Разлился над прохладной землёй,
В этом городе детства мы так одиноки
подчас.
Кто ты, сумрачный образ?
Мы раньше встречались с тобой?
Или август нас свел
В тот единственный правильный раз?..

Гончарова Анна

Нам уже 30. Ты что-нибудь помнишь из детства?
Спелой, звенящей травы качанье в заброшенном парке?
Капли на окнах, и дождь барабанит по крыше...
Выуга. Конец декабря, и под ёлкой – подарки.

Мы повзрослели. Ты помнишь безбрежную юность?
Запах мелиссы и отзвуки ранней капели.
И как винограда спелые гроздья, волнуясь,
Украдкой срывали и так аппетитно – ели.

Мы стали старше, мы видели летние грозы,
И мокли до нитки, босые, по лужам, весело.
Мы часто дурачились, изредка были серьёзными
И если страдали, то только с любимыми песнями...

Мы стали серьёзней, умнее и чуточку строже,
И тайны развеялись: листва – уже не деньги,
Игрушки спят ночью, не лечит тоску подорожник.
Но счастье всё так же пропитано сладкой сиренью.

И хочется верить, что снег, окутавший сонный январь,
Растает весной, будто от жара костра.
И нам нужно помнить, что нам ничего не жаль.
Ведь нам только 30 (шёпотом) было вчера...

Данилова Стефания Не подведи, Родная

*Следует жить, шить сарафаны
и лёгкие платья из ситца...*

Юрий Левитанский

Мои друзья перестают быть моими,
из своих сердец вычеркивают моё имя,
за то, что я не стою с плакатами «Нет войне».
Я – неодиночный пикет с надписью «Да весне»
невидимыми чернилами.
Я – противница надругательства над могилами,
восьми лет игры в молчанку про боль Донбасса,
про лебедя, рака и щуку басни,
неумолимых отрендов
за позицию политоппонента,
кораблекрушения планов этой весной.
Кто из нас тут всему виной?
Я – гражданский ребенок своей эпохи,
дела в которой отнюдь не плохи,
они ужасны, и я пытаюсь держаться.
Это не значит, что мне не больно.
Это не значит, что я хочу этой бойни.
Это значит, что я могу только молиться
за скорейшую мирную коалицию,
писать «Жив ли, цел ли ты, дорогой?»
человеку страны своей и страны другой,
отвозить баулы гуманитарки беженцам.
Всадникам Апокалипсиса бы спешиться,
отпустить коней своих в чисто поле.
Переполнены стеки боли.
«Да весне!» – говорю я, пусть останутся живы все,
чтоб коты под руками и кофе гляссе,
и, по Левитанскому, платья из ситца.
Мои друзья говорят: «Ты должна стыдиться
того, что ты русская, или мы не друзья тебе».
А ещё вчера орали вместе ЛЮБЭ,
не выбирая ни выражений, ни стороны.
Я остаюсь частью своей страны,
пока из неё сваливают, проклиная.
Не подведи, Родная.

Данилова Стефания Швеи

Когда не понять, где чужие, а где свои,
живу я сейчас или же существую,
поэты да менестрели – это швеи,
путеводной ниткой шьющие наживую
огромную рану без края и без конца.
Огромную реку с размытыми берегами.
Раненый мир обретает черты лица,
живая вода течёт под лежачий камень.

Они не подскажут, как нам вернуться в «до»,
и не от них зависит, что будет после.
Они говорят: «Эта страна – мой дом.
Люблю тебя. Ничего никогда не бойся.
Победы и только победы. Вернись живым».
Их голоса перекричат валторну.
Если во что и верится – эти швы
не разойдутся, хоть ты руби повторно.

Ерофеевская Марина Вокруг

Я жду, когда меня поведут на суд,
А я пойду смиренно, как божий раб.
Где мне расскажут про помыслы, цель и суть,
И я, наверное, этому буду рад.

«Где был ты в день, когда наступала хворь,
Когда вокруг планета сошла с ума?»
«Я был свидетелем!». «Хватит нам врать! Не спорь!
Ты был в умат, и в баре стоял туман.

Где был ты в ночь, когда наступал январь
И нищий руку протягивал к очагу?
Когда в подъезд просилась живая тварь
И через час ледышкой легла в снегу?

Где был ты в час, когда постучали в дверь,
Набрать просили две цифры всего – ноль три?»
«Я был в делах, о чём же жалеть теперь?»
«Уже не время, больше здесь нет двери.

Где был ты в миг, когда умирал солдат?
Быть может, враг, быть может, твой лучший друг».
И я отвечу: «Проследуем сразу в ад...»
Но мне промолвят: «А ты оглянись вокруг...»

Ерофеевская Марина Не учат в школе

Звонка гремящие децибелы усадят снова детей за парты.
В образовании нет пробелов, есть соответствие со стандартом.
Листы учебников пахнут краской, немного пылью, немного кровью.
Они же дети и верят в сказку, во всю фантастику верят, кроме
Намокших писем, сырых подвалов, ударов «Града» из ниоткуда,
Они за это получат баллы для поступления в институты
И каждой галочкою в квадрате перечеркнут имена и судьбы.
Одной оценки всего лишь ради учебник ими прочитан будет –
И о татарах, и о монголах, новейший и достоверный самый.
Никто из них не услышит голос окаменевшей от боли мамы.
Она кричит и рыдает громко, и убивается на пороге,
Смотря на свежую похоронку. «Мне дайте только его потрогать!»
Он встанет, знаю! Он жив, мой сынка! Меня возьмите! Его не надо!»
И бъётся, бъётся о холод цинка под похоронную канонаду.
Он просто жизни не сдал экзамен, и аттестат затерялся где-то,
Он не в учебниках вечно замер, а на страницах большой планеты...

Наступит май. И в весеннем свете на обелиске застынут лики.
И вновь такие же чьи-то дети несут к подножию две гвоздики.

Ерофеевская Марина Пиджак

Между юбочек клетчатых и рубашек цветных зажат
На пластмассовых плечиках элегантный мужской пиджак.
Новый, с биркой в кармане и – не подогнан ещё манжет,
Он висит в ожидании – ну когда, ну когда уже...
Он готов лечь под ножницы, под иглу, под утюг, под пресс.
Может, к праздникам сложится? Но хозяин совсем исчез.
Рядом запонки синие, строгий галстук – его сосед.
Это невыносимо, но... Но хозяина нет и нет.
И ночами безлунными снится свадьба как наяву,
Будто девушка юная гладит нежно по рукаву.
Гости все в изумлении – как же выправка хороша!..
Но висит объявление: «Продаётся мужской пиджак.
Сорок восемь, неношеный. Продаётся за полцены».
– Почему же так дёшево? Может, будут ещё штаны?
Покупателью нравится, пиджаку в рукава залез.
А хозяин отправился под иглу, под утюг, под пресс.
Он пропал под снарядами, стал не надобен гардероб.
У него из нарядного – по размеру сколочен гроб.

Золотарева Яна

Важное слово

Тихий домик за бурною речкой,
Шумный лес и тревожная мгла,
Тёплый вечер с холодною печкой,
И, как щёки, сырая трава.

Этот дом на окраине леса,
В нём всегда теплота и уют.
Пропадает тревоги завеса,
Когда знаешь, что там тебя ждут.

Может быть это сон, может правда...
Я не знаю и врать не хочу...
Это детство и это услада!
Это радость – и я не шучу!

Есть у каждого дом или угол,
Что пропитаны детством насквозь,
Там, где первый питомец мякал,
Там, где место нам точно нашлось.

Вспоминая родной, светлый город,
Мы мечтаем забыть обо всём.
Помнить папиных глаз вечный омут,
Первый ранний наш в школу подъём.

Эти мысли объёмней стихии,
Их в себя одно слово берёт.
И оно посильней терапии!
Оно крепче, чем камень и лёд!

Оно лучше прочнейшего сплава
И полезней, чем мамин кефир,
В нём есть сила, есть честь и есть слава,
Оно держит в себе целый мир.

Небольшое, но важное слово,
Его Родиной люди зовут.
Оно в сердце сияет багрово,
К нему с детства все знают маршрут.

Есть четыре для нас главных слова:
Папа, родина, мама и дом.
Пусть бывает судьба к нам сурова,
Но за них мы идём напролом.

Не бывало, и нет, и не будет,
Тех, кто сможет любовь всю забрать.
Да, есть те, кто за верность осудит,
Те, кто будут семью предавать...

По ошибке, от злобы, при зуде
Всё не важно, они не враги...
А лишь глупые-глупые люди,
Что застряли в начале пути...

Не тaim мы обид на неумных,
И не ловим их злой, тёмный взгляд,
Не оставим мы пост дружелюбных,
Твёрдо зная, в чью пользу расклад.

Помолчав, мы шепнём им сурово,
Чтоб подальше от нас отошли,
Ведь скажи против родины слово –
И, считайте, фитиль подожгли...

Калина Ирина

Яблонь цвет

Остывает вечер за окном,
Тают будни в чашке рафинадом.
Я не сплю. Я вспоминаю дом
И калитку дремлющего сада.

Нежным флёром опадает цвет
С белых яблонь на крыльца резное.
Их когда-то посадил мой дед
Нам на память счастье наливное.

В их прохладной ласковой тени
Дед играл на фронтовой гармошке.
Вспомню снова я былые дни,
Детство, лето, солнце на ладошке.

Отшумел тот сад давным-давно,
Скинул с плеч зелёную накидку.
Но волнует душу всё равно
Яблонь цвет у старенькой калитки.

Калина Ирина Птаха

Старая улица. Чертополох.
Нет деревянных мосточек.
Маленький прудик осокой зарос,
В жухлых болотных кочках.

В бывшей поскотине вьюн да бурьян,
Жалит за плечи крапива.
Тянет прохладой белёсый туман.
Домик стоит сиротливо.

Проседь коснулась курчавых волос
Стройной берёзки у окон,
А вдалеке пел заливисто дрозд
Песню душе одинокой.

Вольная птаха печали моей,
Вейся над тихим простором,
Там, где ревился табун лошадей,
Клонятся низко заборы.

Не отшумели и не улеглись
Памяти вешние годы.
Пой, моя птаха! В ночь помолись.
Я помолчу до восхода.

Курило Виктория В храме

Здесь душа сквозняком,
И восторга наплыв
Обжигает смиренное сердце!
Здесь тихонько, тайком
Чувств глубокий порыв
К твоим мыслям найдёт
Свою дверцу.
Паутинки души
Строят новый узор,
Бисер чувств кропотливо вплетая.
В храм войдя, не спеши...
Ты к иконе свой взор
Обрати – ведь икона живая!
Помолись, попроси,
Те слова отыщи,

Что от самого сердца исходят:
«Божья Матерь, спаси,
Зашити, не ропчи...
Помоги пережить все невзгоды!
Ты Россию – наш дом –
От беды сохрани,
Сбереги наших воинов славных!
В этом Храме святом
Нам надежду верни,
Огради всех людей православных.
Пусть на землю придёт
Мир, который так ждём!
Пусть навеки исчезнут все войны!
Верит русский народ:
Мы Отчизну спасем,
Будем предков-героев достойны!
Богородица, нашей заступницей стань
И над русской землёю подними свою длань!»

Лакеева Наталья Вернуться б в детство

Вернуться б в детство, где цветёт сирень,
Обшарпаный штакетник возле дома.
Где беззаботно встретишь новый день,
Где боль утраты вроде не знакома.

И нет там зла. И радость от конфеты,
Что дедушка принес, домой зайдя.
И на веранде утром душным летним
От пирожков с клубникой аромат.

Где бабушка нам вынесет под вечер
Горячих свежих булок для ребят.
Где ждешь друзей; где лёгкий, словно ветер.
Где молоком парным поить котят.

Чтоб с мамой по тропинке за грибами;
С родней печёнки жарить на костре.
Порою так болит всем этим память,
И хочется кричать, но смысла нет.

Вернуть бы детство, где цветёт сирень,
Где утром тюль погладит лучик солнца.
Как жаль, что в детство заперта нам дверь
И как же жаль, что время не вернётся.

**Лесовик Оксана
Россия**

Скачет рысью кобыла пегая,
Там, под крыльями журавля,
Там, где Родина синерекая
Расплескала свои поля,
Там, где солнце туманы розово
Золотит в предрассветный час,
Где Россия ждёт подберёзово,
Землянично встречает нас.
Журавлиные крылья взмахами
Обнимают её простор –
Школы, церкви, заборы Лахмана,
Гордо реющий триколор,
Ленинградскую, Мира, Пушкина,
Рынки, фабрики, поезда,
Бой курантов и песнь кукушкину,
Долетевшую до гнезда,
Ветры русские, флаги рвущие,
Скрип сосновый, медвежий рык,
Нашу память и взгляд в грядущее,
Нашу веру и наш язык,
Всю Россию с её величием!
Журавлиный крик в вышине.
И как будто за птичьим кличем
Слышно «Родина» в тишине.

**Макарова Олеся
Заря-заряница**

Заря-заряница
Над полем и хатами,
Как Божья десница
На милость богатая.

Как бархат порфиры,
Что царственно-алая,
Восходит над миром,
Всё красками балуя.

Над куполом храма
Злачёной палистрою.
О, Родина-мама,
Встречай день с молитвою!

Заря-заряница,
И росы алмазами,
Мне с Русью сродниться
С рожденья указано.

С лазурью небесной,
Со звонкими птицами,
И с этой чудесной
Зарей-заряницею.

Что так хороша
В своём дивном рождении,
И славит душа
Новых дней пробуждение!

Мамлина Наталья

* * *

И смерть ещё, конечно, спляшет
И, новый образуя слой,
Прах человеческий золой
На землю выжженную ляжет.

Но в пекле ненависти той,
Которой меркнет всё на фоне,
Я женскою своей душой
Тебя не брошу, русский воин.

Поверь (ведь можно верить мне-то),
Здесь каждый повторит за мной:
«Ты не разменная монета –
Ты золотой. Ты – золотой».

Пименов Анатолий **Молитва о материах**

Мы все спешим, бегом, бегом,
И ком в дому, и в горле ком...
Порой не перекрестим лба
И всё твердим: судьба, судьба.

Она всё помнит и не спит,
Всегда поймёт, всегда простит.
Слеза над болью и наградой,
И нет на свете горше яда.

Дай, Боже, счастья материам!
Шли ангелов ко всем дверям,
Чтоб в срок успели отворять;
Он знает, у Него есть мать.

И будь ты на расправу скорым,
Учёным, генерал-майором,
Подхватишь, что бы ни случилось,
Лишь бы она не оступилась.

Посмотрит Николай с иконы,
Мать Чудотворца звали Нонна,
И он, в каком ты есть краю,
Всегда посмотрит на твою.

А вдруг ей неуютно, страшно,
Кому смешно, кому не важно,
Но каждый из отцов церквей
На небе вспомнит о своей;

И о твоей не позабудет,
Чтоб клеветой чужие люди
Не докучали без конца,
Черня пороками сердца,

Чтоб не совали длинный нос
В дом материнский, сам Христос
Беду с порога отведёт
И снова к Матери пойдёт,

По облакам ночным ступая,
Молитвам искренним внимая,
Раздав добро домам простым,
Он в этом мире главный Сын.

А мы, простые ль, прихожане,
Сельчане или горожане
Опять в молитве вспомним мать
И вновь попросим благодать

Не для себя, но для неё,
И время отдадим своё,
И в небе скроется гроза
Лиши был бы свет в её глазах.

Пименов Анатолий **И снова по России строят храмы**

И снова по России строят храмы
Всем миром, как ведётся испокон,
Мы на душе закрыли ими раны
Сиянием божественных икон.

Покаялись за столько лет безверья,
За годы леденящих сердце зим,
За чьи-то показные суеверья,
За всё просили, стоя перед Ним.

И снова уберём мы всё как было,
Побелкой, позолотою резной,
Ведь Он простит детей своих унылых,
Прощает неизменно род земной.

Прости, Отец, иначе не умеем,
За глупость наших предков не вини,
Потомки, я надеюсь, не посмеют
Закрыться в новой ереси, тени.

И предки беспримерно сожалеют,
Что по воде пускали образы...
Прости детей, иначе мы не смеем
Поднять к Тебе безумные глаза.

И Он простит, надеемся и верим,
Даст избавленье от греха и ран.
А мы всё подготовим и измерим,
И восстановим свой забытый храм.

**Пименов Анатолий
Звенигород**

Он здесь живёт. Со всех сторон
На службу слышен перезвон
Сквозь кружевные облака,
Через года, через века...

Он, не желая воевать,
Опять всех будет примирять
Над гладью водною Москвы,
Не поднимая головы....

Звенигород достоин славы,
Как и его хранитель Савва,
Он обращал французов вспять,
Не волен враг был устоять.

Во всякий день, во всякий час
Град обновлялся каждый раз,
Со всех концов, со всех сторон
Сюда ведёт нас перезвон.

Оставить на день блеск, дворцы,
К нему явившись, как отцы,
Увидеть в небе в Силах Спас,
И верить – не в последний раз

Он встретил нас, Он слышит нас,
И не умолкнет Саввы глас...
Он здесь живёт! Со всех сторон
На службу слышен перезвон.

**Пименов Анатолий
Сергий Радонежский**

Мы будем верить. Снова будем верить
В того, кто единение принёс,
В того, чьи достиженья не измерить,
В того, чей путь отметил сам Христос.

Благословил на подвиг ради веры,
Единства всей Отчизны боевой.
Он старец необычный, самый первый,
Повёл Державу Сергий за собой

Через болота лжи и лихоимства,
Через туманы брошенных полей.
За ним через века идёт единство
И твёрдость всех его монастырей.

Его кресты хранили наши сёла,
И посох деревянный мир держал.
Оставил всё, чтоб детский смех весёлый
Из русских изб навеки не пропал.

Сам Сатана не смог разрушить стены
В мундирах лихолетий и страстей.
Мы будем верить! Вера в наших генах,
Людей краёв, республик, областей.

Мы будем верить! Снова будем верить,
Что с Ним Святую Русь не победить!
И флагом трёхполосным гордо реять
Мы будем. Просто будем! Будем жить!

Пименов Анатолий Чёрный журавль

Застыли гусляры последних дней,
Сказители речистые замолкли...
Здесь не поют про белых журавлей,
Они от вдовьих слёз давно промокли.

Журавль чёрный над ковром страны –
Победы долгожданной новый вестник,
Под бледною монетою луны
Он вырвется стрелой из поднебесья.

И, кажется, лишь сложит два крыла –
Он обернётся ратным человеком...
С застывшим взглядом гордого орла,
Со шрамами, оставленными веком,

В простреленной одежде, как и был
На поле битвы, но, всплеснув руками,
Лохмотьями, в которых не дожил,
Вновь скроется вдали, за облаками.

Пименов Дмитрий Полосатый кот

Шел белый, как покойник, утром снег,
Скрипели гробовые сосен доски.
Двуногий, что по виду человек,
Сюда пришёл с объемной переноской.
Помедлил, переноску расстегнул
И выбросил в сугроб трёх кошек быстро.
Вдали раздался электрички гул.
Всё сделано! Легко, спокойно, чисто.
Двуногий заспешил к себе домой,
Где есть еда, где он кому-то нужен.
Распорядиться кошек тех судьбой
Любезно предложил двуногий стуже.
В полоску кот, испуганно дрожа,
Побрел в сугробов плен – к болоту,
к смерти –

Не верила мохнатая душа
В спасение. «И вы в него не верьте!» –
Рычала вьюга. Полосатый шёл...
Но вдруг его схватить решился кто-то,
Рванулся влево – вот и дуба ствол,
Но не для лап озябших та работа...

Упал в сугроб и зашипел без сил,
Наверное, сироты так вот плачут.
И мир кота ни капли не любил,
Но обернулось всё в тот день иначе...
Запомнил он трясущийся вагон
И тёплый свитер, об который грелся,
Так ласков не бывал никто с котом,
А в клинике поспал он и наелся.
Летели дни... И вот пришли за ним,
Он уезжал в семью – к заботе, к детям,
Он уезжал туда, где стал любим.
И челюсти сомкнул впустую ветер.
Что видится коту тому во сне,
Когда лежит спокойно на диване?
Быть может, тот могильный саван-снег?
И в нём земля – как миски дно в сметане...
А, может быть, тот свитер видит кот,
В котором отогрелись лапы сразу?
Заметил ведь: двуногое идёт.
Он сделал то, что Человек обязан.

Потийко Лилия

Летним утром всё будто по-прежнему:
Сонный луг мироточит росой,
Колокольчика чашечка нежная
Ищет солнца в дали голубой.

Улыбается зорька румяная,
И не можешь от счастья вздохнуть...
Не по-прежнему – врёшь, окаянное.
Зря волнуешь стеснённую грудь.

Не румянец зари – пятна алые
На поникшей от горя траве.
И глаза ёщё снятся усталые
Задремавшей под утро вдове.

Где-то всхлипнет неслышно, украдкою,
Испитая тревогами мать
И потянется вновь за тетрадкою,
Чтоб письмо в неизвестность писать.

Не воронками – рваными ранами —
Истерзали мой город родной.
Оттого мирной жизни обманами
Дорожит наше сердце порой.

**Потийко Лилия
Ромашки**

Цветы простокваша
Были облака.
Я рвала ромашки,
Но не для венка.

И не собирала
Я из них букет –
Я в тот день гадала,
Любишь или нет.

Верило едва ли
Сердце в их ответ:
Все ромашки врали,
Повторяя «нет»...

Где тех дней надежды,
Где та лёгкость крыл?..
Под покровом снежным
Сад притих, застыл.

И другого цвета
Облако плывёт,
Слушая, как где-то
Лает пулёмёт...

Ни письма, ни строчки
Столько долгих дней...
И не знает почта
О тоске моей.

Может, вспомнишь всё же
В час затишья Ты,
Как рвала безбожно я
Бедные цветы.

**Селезнева Татьяна
Верная доля**

Пока хвалу на небесах
Возносит ангельское войско,
Я не боюсь,
И ты не бойся.
Молитва побеждает страх.

Под тихий звон колоколов
Надёжней защищать Россию,
Когда молчать невыносимо,
Обычно не хватает слов,

И ты бросаешься вперёд –
В окоп, в атаку, на молебен...
Как много веры в русском небе!
Как много тех, кто с ней живёт

И с благодарностью стране
За Родину выходит биться.
...А мне – за Родину молиться –
Вернее доли в жизни нет.

И если слабнет дух и плоть,
Я вспоминаю со слезами,
Что ангелы всегда над нами
Поют о том, как Свят Господь.

Селезнева Татьяна
Медовый спас в госпитале

Как звонок воздух от простых молитв:
Подай Победу, Господи, России!
Желтеют ивы,
Ветками обвив
Больничный храм, больничное бессилье.

И Спас по небу разливает мёд,
Похожий на полуденное Солнце.
А я, вчера сжимавший пулёмёт,
Смотрю на храм,
Но сердце в битву рвётся.

И крестик в загрубевшую ладонь
Ложится посеребренным патроном.
Но Спас придёт.
Медовою водой
Залечит рану
Ласково, иконно.

Но Спас придёт,
Конечно, Спас придёт.
На фронт, ко мне – в больничную палату.
...и крестик согревает,
А не жжёт.
И бьют врага вдали мои ребята.

Ситенко Виктория
Наследники победы

Я его украдкой провожаю.
«Ты там береги себя, милок...»
Этого парнишку я не знаю.
А своих внучат мне не дал Бог.

На Земле живу уж больше века.
И зачем мне, боже, столько жить?
Самого родного человека
Не смогла сберечь и защитить.

Будто ничего не изменилось:
То же небо, люди и перрон...
Помню, как с сыночком я простилась,
Как с улыбкой он шагнул в вагон...

Долго вслед за поездом бежала,
Плача вслед: «Андрюшенька, сынок...» –
Я его навеки провожала,
Ведь живым вернуться сын не смог...

Пал он смертью храбрых. Наступила
Без него победная весна.
Скольких забрала и погубила
Страшная, проклятая война?!

...Того парня, как внучка родного,
Я перекрецу, украдкой, вслед.
«Возвращайся» – повторяю снова.
«Я вернусь!» – услышу вдруг в ответ.

Улыбнётся: «Не горюй, бабуля!
Вновь с победой мы придём домой!
Ну, а если вдруг настигнет пуля,
Помолись тогда за упокой...»

Вновь идут наследники Победы
Верно своей Родине служить.
Бить врага, как прадеды и деды,
Чтобы мир Планете подарить!»

«Ну, пора» – прощается с роднёю,
На плече рыдает тихо мать...
Как я её сердце успокою,
Если боль в своем мне не унять?..

– Как зовут? – спрошу его. – Андреем! –
Зашемит в груди ещё сильней.
Я не плачу – больше не умею.
Лишь скажу: «Живым вернись скорей!»

Подойдёт ко мне вдруг близко-близко:
«Ты, бабуль, молись, не забывай!»
И в глазах его горящей искрой
Вспыхнет ярко тот Победный май.

Ситенко Виктория Звезда героя

Звезда героя смотрит на меня,
А рядом с чёрной лентою портрет.
Нет в жизни смысла, а в глазах огня,
Ведь моего сыночка больше нет.

Холодным взглядом всё глядит в упор...
«Да ты мне душу так сожёшь дотла!» –
Звезда героя как немой укор:
Не отмолила, не уберегла...

Как это было? Будто бы во сне:
Когда вдруг похоронка мне пришла,
Поверить не могла, что сына нет,
Ведь о живом молилась и ждала!

Любимый мой, единственный сынок,
Кровиночка моя, моё дитя!
Как допустить Господь всё это мог,
И почему забрал навек тебя?

Красивый, добрый, сильный, молодой,
Пожить-то ещё толком не успел!
Навек повенчан с мёртвою Звездой,
А так детишек и семью хотел!

Мне бабушкой, увы, теперь не стать
И не услышать внуков звонкий смех,
Их в колыбели тёплой не качать...
...Одна беда убила сразу всех.

Сыночек, знай, что я горжусь тобой,
Ты вырос, став мужчиной, бойцом.
Но как смириться с горькою судьбой?
Так рано смерти ты узнал лицо!

С портрета улыбается сынок.
И будто снова мы сидим вдвоём.
Он говорит: «Я сделал всё, что мог,
И не жалею, мама, ни о чём.

Я до конца сражался что есть сил,
Чтобы весной черемуха цвела,
Чтоб только мир на всей планете был
И ты, родная, много лет жила!»

Я забываюсь в мёртвой тишине.
Пространство, время – все это не в счёт.
Приходит сын поговорить ко мне –
В моей душе его душа живет!

Ни слёз, ни слов, а только пустота
И ночи нескончаемая нить.
А за окном – немая темнота
И нет ответа, как мне дальше жить?..

Живым тебя увидеть бы сейчас!
Но боль жжёт сердце посильней огня,
И вместо самых близких в мире глаз
Звезда героя смотрит на меня...

Ситенко Виктория
Лётчик

Мальчишки бежали смотреть самолёт:
«Опять за деревней стоит!»
Он тут ненадолго совсем и вот-вот
Дюралевой птицей взлетит.

Пригревшись на солнце, сверкает металл,
Слепит красотою своей.
Он в небе высоком не раз пролетал
Под смех восхищенных детей.

Мальчишки бежали... А местный старик
Слепой совершенно, без ног,
Лишь слушать знакомые звуки привык.
И слёзы сдержать вновь не смог.

Припомнилось ясно, как крепко штурвал
Сжимал в своих цепких руках.
Как «мессеры» – «фоккеры» ловко сбивал,
Летая стрелой в облаках.

Как снова и снова стремился он в бой,
Мечтая взлететь ещё раз.
Как снился ночами простор голубой,
Когда засыпал лишь на час.

Земля беспокойно дремала тогда,
В тот страшный решительный миг,
Когда прямо с неба сорвалась звезда,
«За Р-Родину» – вырвался крик...

«Не выживет, – тихо шептали врачи, –
Тут вряд ли уже повёзет...»
Его, исчезая в бездонной ночи,
Фашистский подбил самолёт...

Но то ли везение, то ли Господь –
Всему вопреки всё же смог
В ту ночь роковую он смерть побороть,
Оставшись без глаз и без ног.

Всё тише и тише гудит самолёт,
И будто бы сердце-мотор
Как в те времена вновь с собою зовёт
Взмыть в синий небесный простор.
Тому старику выпал сложный удел,
Немало пришлось испытать...
Но всю свою жизнь об одном он жалел:
Что больше не сможет летать...

Стулова Ольга
Просто дома

Просто дома. Просто лето.
Мамин чай из чабреца.
«Нэнси» – старая кассета,
Отыскалась у крыльца.

Небо здесь совсем иное.
Разлилась в нём бирюза,
И уходит вдаль льняного
Поля светлая коса.

От лучей игристых солнца
Зелень яркостью пестрит,
Если туча рассмеется,
Обойдёмся без обид.

Здесь растут воспоминанья,
Собираю их в букет.
Тополя ночным дыханьем
Открывают мне рассвет.

Просто лето. Просто дома.
Мамин чай из чабреца,
Глянут из фотоальбома
Детства пуговки-глаза.

Труфанова Дарья Мы однажды вернёмся домой

Мы однажды вернёмся домой
Ранним утром, ровнехонько к дойке,
А на соснах кричат громко сойки.
Над полями клубится покой.
Мы однажды вернёмся домой –
Ледяная вода там колодца
Через край из ведра снова льётся
По пути у девчонки босой.
Мы однажды вернёмся домой,
Где всегда помогали бабуле,
Вместе с дедушкой строили улей
И сиял небосвод голубой.
Мы однажды вернёмся домой,
Где пыхтит самовар у крылечка
И кобылку ведёт за уздечку
Дядя Митя совсем молодой.
Мы однажды вернёмся домой,
Где смотрели под вечер альбомы,
Лиц улыбки до боли знакомых
Как привет нам от жизни былой.
Мы однажды вернёмся домой,
Где под знаменем красным трудиться
Мы могли... И мечтать, и учиться –
Лучше нет на земле жизни той!
Мы вернёмся, вернёмся домой,
Красный стяг полыхнет в небе синем,
Будет снова Великой Россия –
В самом верном пути мы с тобой!

Хадеев Георгий Казаки

У станицы рощи самобытные,
Дол идёт, как будто взмах руки.
Волею любими, ей, сестрицею,
Здесь гуляют вдоволь казаки.

Не влачат головушку понурую,
Не ругают небо и судьбу,
По бокам ударив конюшку каурую,
С ветром вскачь несутся поутру.

Знают честь бунтарства и стремленья
За года, что прожиты в степи.
С малых лет пронизаны весельем,
Любят жизнь «птенцы» и старики.

Буйных трав косищи изумрудные
Хату-дом в объятья заплели.
Буйный нрав и взгляды очень трудные,
Но коль смех, то с неба до земли.

Тянут песнь, гуляя по раздолю,
Ноги в пляс и шапку в пыль долой.
Знай, пропасть – так только в чистом поле,
Коли в бой, то только с головой.

Шаврина Екатерина Пушкинские Горы

Я счастлива знакомству с этим местом!
Рисуя себе в радужных мечтах,
Что окажусь в этом краю чудесном,
Теперь гуляю в Пушкинских Горах!

Тригорское, Петровское, Бугрово,
Старинный Святогорский монастырь,
Михайловское, городище – взгорок,
Леса, поля, просторов сельских ширь.

Здесь всё пропитано величием эпохи,
Здесь романтичность царствует окрест.
Переполняет душу с каждым вдохом
Лирическая сила этих мест.

В Тригорском парке Пушкин в одиночку
Давно когда-то медленно бродил.
И в каждом кустике, и в каждом уголочке
Источник вдохновенья находил.

Под сенью лип зелёная беседка,
«Скамья Онегина», каскад из трёх прудов,
Дерновый круг с дубами на разметках
И в центре гномон солнечных часов.

Рождая мысли о бессмертии поэта
В монастыре, где благость и покой,
Могила гения под тенью старых веток
Чарует величавой простотой.

В душе храня великое почтенье,
Купив на входе скромнейский букет,
Перед могилой встану на колени,
И прошепчу: «Ты вечно жив, поэт!».

Я связь времён заканчиваю поиск,
Весь ход событий знаю наперёд:
Печально, но сегодня скорый поезд
Меня из мест чудесных увезёт.

Однажды утром, не успев проснуться,
Почувствую в душе немую грусть.
До боли захочу сюда вернуться
И знаю я, что обязательно вернусь!

Шаврина Екатерина Ангел

Хочу я стать такой большой,
Чтоб облако достать рукой,
Его легонько покачать
И тихо Ангела позвать.

Не стану ни о чём просить,
Хочу я поблагодарить
За то, что в трудности любой
Незримо он всегда со мной.

Где огорчение и зло,
Я чувствую его крыло.
И как спасение от бед,
Мне слышится его совет:

«Когда препятствие – борись,
Когда не знаешь – научись,
Не получается – сумей,
Если боишься – не робей,

Чего-то много – поделись,
Если прогневали – не злись,
Не надо никого ругать,
Умей любить, умей прощать!»

И я могу ему сказать,
Смотря в небесные глаза:
«Спасибо, добрый Ангел мой,
За моё счастье и покой,

За то, что мне всего пятнадцать,
За то, что я могу смеяться,
За то, что ем, за то, что сплю,
Что рядом те, кого люблю!».

Но до небес мне не достать
И Ангела не увидать,
Не прикоснуться к облакам,
Но я-то знаю, что он там!

Шадрин Антон Я своею Родиной горжусь

Родился я в берёзовом раздолье,
тогда уже рябина расцвела.
И всё, что я творю, творю с любовью,
Россия для меня – всегда мила.

Проходят пусты годы, бегут столетья,
но крепнет, набираясь силы, дух...
Моя Россия – это разноцветье,
берёзы, сосны, тополиный пух.

Какие песни у моей России...
Таких не услыхать, поверь, нигде,
её напевы вольны и красивы,
и про народ, что в радости, в беде.

Родился я в берёзовом раздолье,
и что в России вырос – не стыжусь.
Меня взрастили к Родине с любовью,
и я своею Родиной горжусь!

Шпиякина Наталья Душа России

Я возьму у заката горячие летние краски
И узором раскрасу глаза Родных рек и озёр,
В нежной дымке тумана, как в доброй и ласковой сказке,
Застелю паутиновым кружевом спящий простор.

Я платок из ромашек накину на гордые плечи
И умою березовым соком раздолье полей,
У спокою в саду я играющий с листьями вечер,
Чтоб про мирное небо мне сладостно спел соловей.

Пролечу над могучей Россией с крылатым рассветом,
Хрупкий Мир охраняя и бархатно-сонный покой,
Разбужу поутру я приветливо-ласковым ветром,
Притворяясь березкой, умытой прохладной росой.

Я закрою народ от беды и напастей руками,
Чтобы не было силы дух Русский кому-то сломить,
Чтоб Родимое небо, с грозящими ей облаками,
Цвет Российской флага навечно могло сохранить.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Бабошина Наталья 44
Беленькая Мария 16
Беннер Анастасия 56
Бобровская Ирина 7, 17–19
Бобылев Дмитрий 44, 57
Бодрягина Светлана 20
Борзова Светлана 12, 58
Бялая Яна 20
Гончарова Анна 58, 59
Данилова Стефания 21, 22, 44–46, 60, 61
Евсеева Елизавета 47
Ежова Виктория 22
Ерофеева Елизавета 23, 47
Ерофеевская Марина 11, 47, 48, 61, 62
Золотарева Яна 63
Каледа Анна 24
Калина Ирина 14, 25, 63, 64
Колмакова Надежда 26
Королева Алиса 48
Курило Виктория 26, 64
Лакеева Наталья 64
Лесовик Оксана 26–28, 65
Макарова Олеся 49, 65
Мамлина Наталья 65
Никитин Георгий 28
Овчинина Виктория 28
Переверзева Ольга 29
Пивоварова Анна 29, 30
Пименов Анатолий 30–33, 50, 66–68
Пименов Дмитрий 34–36, 68

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Порошина Мария 36, 50
Потийко Лилия 13, 68, 69
Прийма Александра 36
Ракинцева Полина 9
Рубанова Анна 51
Рябев Сергей 37
Садикова Диана 36
Селезнева Татьяна 13, 38, 69, 70
Ситенко Виктория 12, 38, 39, 51, 70–72
Соколова Мария 52
Стойко Артем 39
Стулова Ольга 72
Томайлы Дмитрий 39
Труфанова Дарья 40, 73
Уперчук Роман 52
Федорова Вероника 6
Хадеев Георгий 73
Цыганов Евгений 41
Шаврина Екатерина 42, 74
Шадрин Антон 75
Шевченко Виктор 53
Шпиякина Наталья 8, 75

СОДЕРЖАНИЕ

Конкурс молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова: год седьмой	3
Раздел 1. Наши победители	5
Раздел 2. «Будто был я вчера на войне»	15
Раздел 3. «Возьмёмся за руки, друзья!».....	41
Раздел 4. «Любовью к Родине дыша»	53
Алфавитный указатель	74

«Стихи, как огонь на устах»:

Сборник стихов финалистов Конкурса молодых поэтов на приз имени Бориса Богаткова/ отв. за выпуск Л. А. Игнатова, нач. рекламно-издательского отдела МБУК ЦБС Октябрьского района. – Новосибирск: МБУК ЦБС Октябрьского района, 2023. – 80 с.: ил.

Новосибирская региональная общественная организация
сохранения историко-культурного наследия
«Библиотечное сообщество "Наследники Будагова"»

630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел.: +7(383)266-95-77
nroo.budagov@cbstolstoy.ru
konkurs@cbstolstoy.ru

Печать: типография «Станция Печатная»
Тел.: 8-800-200-93-06; +7(383)227-92-41
info@terminalprint.ru
www.terminalprint.ru
Тираж 100 экз.

**Новосибирская региональная общественная организация
сохранения историко-культурного наследия
«Библиотечное сообщество "Наследники Будагова"»**

630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел.: +7(383)266-95-77
nroo.budagov@cbstolstoy.ru
konkurs@cbstolstoy.ru

Печать: типография «Станция Печатная»
Тел.: 8-800-200-93-06; +7(383)227-92-41
info@terminalprint.ru
www.terminalprint.ru